

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА

научно-правовой журнал

№ 2 (апрель-июнь) 2026 год



Учредитель: Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library

Журнал основан в 2023 году

ISSN 3034-4042 (online)

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ-Эл № ФС 77-85783 от 3 августа 2023 г.)

Издатель: Издательство "ЮРКОМПАНИ"

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА

научно-правовой журнал

научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Первый заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Заместитель главного редактора: Рыжов Валерий Борисович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Козлова Вера Ивановна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: www.academ.law-books.ru E-mail: info@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Академическая наука» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Сангаджиев Бадма Владимирович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: *Гандалоев Руслан Баширович*, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заместитель главного редактора научного журнала «Образование и право»

Научная специальность: 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки»

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Мионов Василий Олегович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета

Научная специальность: 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Сангаджиев Бадма Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность: 5.5.1. «История и теория политики»

Койбаев Борис Георгиевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Сампиев Исрапил Магомедович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Чекмарев Эдуард Владимирович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Эбзеев Ахмат Аскербиевич, доктор политических наук, доцент, помощник ректора по международному сотрудничеству ФГБОУ ВО «Российский биотехнологический университет» (РОСБИОТЕХ)

Научная специальность: 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии»

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

Умаров Мурад Мухамедович, кандидат технических наук, доцент кафедры «Физическое воспитание» Физкультурно-оздоровительного факультета ФГБОУ ВО Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (МГТУ) — национальный исследовательский университет

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и политических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева»

Шебзухова Фатима Айсовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общественно-научного образования РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: *Sangadzhiev Badma Vladimirovich*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: *Gandaloev Ruslan Bashirovich*, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Education of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the scientific journal «Education and Law»

Scientific specialty: 5.1.1. «Theoretical and historical legal sciences»

Grudtsyna Lyudmila Yuryevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property,» Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),» Honorary Lawyer of Russia, RAS expert

Mironov Vasily Olegovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs

Pashentsev Dmitry Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University

Scientific specialty: 5.1.2. «Public Law (State Law) Sciences»

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities

Sangadzhiev Badma Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Scientific specialty: 5.5.1. «History and Theory of Politics»

Koybaev Boris Georgievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Political Science, FSBEI HE «North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov»

Sampiev Israpil Magometovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, FSBEI HE «Ingush State University»

Chekmarev Eduard Vladimirovich, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics

Ebzeev Akhmat Askerbievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Rector for International Cooperation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Biotechnological University» (ROSBIOTECH)

Scientific specialty: 5.5.2. «Political institutions, processes, technologies»

Kerimov Alexander Alievich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin» (Ural Federal University)

Umarov Murad Mukhamedovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education, Faculty of Physical Education and Health, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (MSTU) — National Research University

Usmanov Rafik Khammatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, FSBEI HE «Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev»

Shebzukhova Fatima Aisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Scientific Education of the Russian State Budgetary Institution DPO «Karachay-Cherkess Republican Institute for Advanced Training of Educators»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук

С.Д. Каракозов — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

Р.М. Мырзалимов — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.Г. Осипова – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

E.B. Abdullin — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Head of the UNESCO Department «Musical Art and Lifelong Education» of the Institute of Fine Arts of Moscow State Pedagogical University, Academician-Secretary of the Department of Pedagogy and Psychology of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, full member of the International Academy of Higher School, Laureate of the International of the Russian

S.A. Barkov — doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of economic sociology and management of the sociological faculty of Moscow Lomonosov State University

Zh.A. Bokoev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

A.P. Haloganov — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.V. Grebennikov — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Head of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Zhukov — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

S.D. Karakozov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University

V.V. Komarova — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)

G.B. Mirzoev — Doctor of Law, Professor, President of the Guild of Russian Lawyers, Rector of the Russian Academy of Lawyers and Notaries, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of Bridchport University (USA), Honorary Doctor of Philosophy of the University «EuroSwiss»

R.M. Myrzalimov — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

N.G. Osipova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, full member of the Russian Academy of Social Sciences

N.K. Pototsky — Doctor of Law, Professor, Professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

L.A. Rapatskaya — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor, Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education, Institute of Fine Arts, Moscow State Pedagogical University, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

K.Kh. Rakhimberdin — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

B.V. Sangadzhiev — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

B.S. Ebzeev — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Кузьмин Ю.А. * Педагогические условия формирования правовой культуры молодых избирателей в системе гражданского образования 9

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Репкин М.С. * Коммерческая тайна в России и Китае: сравнительный анализ мер ответственности 13

Репкин М.С. * Конфиденциальная информация в Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовой анализ 17

Жаркова Е.В. * Прямые договоры в сфере ЖКХ: сравнительный анализ правового регулирования в РФ и зарубежных странах 20

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Сушко М.Н. * Генезис уголовной ответственности за создание преступного сообщества: советский период 26

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Кобликов А.В. * Соотношение экономической и предпринимательской деятельности: значение в рамках судебной защиты 32

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Гончарова А.С. * Участие государства в корпоративных правоотношениях 38

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ахметшина А.В. * Принцип свободы договора в деятельности торговых сетей и его ограничения 43

Гофман Г.И. * Юридическое значение нотариального акта в сфере наследственного права 46

Аревшатын В.А., Никитенко И.В. * Проблемы отграничения законного оборота наркотических средств от преступных деяний и вопросы квалификации смежных составов 49

СУДЕБНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Грачевцова И.С. * Актуальные проблемы упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе 54

Кобликов А.В. * Компетенция и подсудность корпоративных споров в российском цивилистическом процессе 58

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Барцова Е.М. * Вопросы влияния способа хищения на общественную опасность 64

Мухтаров К.Х. * Совершенствование социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выполняющих задачи в особых условиях 67

CONTENTS:

POLITICS AND LAW

Kuzmin Yu.A. * Pedagogical conditions for the formation of the legal culture of young voters in the system of civic education 9

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Repkin M.S. * Trade secrets in Russia and China: a comparative analysis of liability measures 13

Repkin M.S. * Confidential information in the Russian Federation and Germany: a comparative legal analysis 17

Zharkova E.V. * Direct contracts in housing and communal services: a comparative analysis of legal regulation in the Russian Federation and foreign countries 20

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

Sushko M.N. * Genesis of criminal liability for creating criminal organizations: the soviet period 26

INTERPRETATION OF LAW

Koblikov A.V. * The relationship between economic and entrepreneurial activities: it's importance within the framework of judicial protection 32

CORPORATE LAW

Goncharova A.S. * Government involvement in corporate legal relations 38

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Akhmetshina A.V. * The principle of freedom of contract in the activities of retail networks and its restrictions 43

Goffman G.I. * The legal meaning of the notarial act in the field of inheritance law 46

Arevshatyan V.A., Nikitenko I.V. * Problems of delimitation of legal drug circulation from criminal acts and issues of qualification of related offenses 49

JUDICIAL LAW AND PROCEDURE

Grachevczova I.S. * Current issues of simplified proceedings in civil and arbitration proceedings 54

Koblikov A.V. * Competence and jurisdiction of corporate disputes in the Russian civil process 58

LAW ENFORCEMENT

Bartsova E.M. * The impact of theft method on social danger 64

Mukhtarov K.H. * Improving the social protection of employees of the ministry of internal affairs of the Russian Federation who perform tasks in special conditions 67

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-9-12

КУЗЬМИН Юрий Александрович,
член Санкт-Петербургской избирательной комиссии,
с правом решающего голоса,
e-mail: 9435361@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются педагогические условия формирования правовой культуры молодых избирателей в системе гражданского образования. Анализируется современное состояние гражданско-правового образования и выявляются ключевые проблемы, препятствующие эффективному становлению правовой культуры учащейся молодежи: фрагментарность содержания, доминирование репродуктивных методов обучения, разрыв между учебным знанием и реальными практиками гражданского участия. На основе проведенного анализа предлагается система педагогических условий, включающая интеграцию содержания гражданского образования, переход к активным и интерактивным методам обучения, расширение практико-ориентированной составляющей, повышение компетентности педагогов, создание развивающей образовательной среды и использование цифровых технологий. Показано, что указанные условия образуют единую педагогическую систему, направленную на преодоление разрыва между декларативным знанием и реальным гражданским действием. Правовая культура молодого избирателя понимается как интегративное личностное образование, сочетающее когнитивный, ценностно-нормативный и деятельностный компоненты.

Ключевые слова: правовая культура, молодые избиратели, гражданское образование, педагогические условия, гражданская идентичность, избирательное право, активные методы обучения, образовательная среда, цифровые технологии в образовании.

KUZMIN Yuri Aleksandrovich,
voting member of the
St. Petersburg Electoral Commission

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF YOUNG VOTERS IN THE SYSTEM OF CIVIC EDUCATION

Annotation. This article examines the pedagogical conditions for developing young voters' legal culture within the civic education system. It analyzes the current state of civic education and identifies key issues hindering the effective development of young students' legal culture: fragmented content, the dominance of reproductive teaching methods, and the gap between academic knowledge and actual civic participation practices. Based on this analysis, a system of pedagogical conditions is proposed that includes integrating civic education content, transitioning to active and interactive teaching methods, expanding the practice-oriented component, enhancing teacher competence, creating a nurturing educational environment, and utilizing digital technologies. It is demonstrated that these conditions form a unified pedagogical system aimed at bridging the gap between declarative knowledge and actual civic action. Young voters' legal culture is understood as an integrative personal development that combines cognitive, value-normative, and activity-based components.

Key words: legal culture, young voters, civic education, pedagogical conditions, civic identity, electoral law, active learning methods, educational environment, digital technologies in education.

Актуальность изучения правовой культуры молодых избирателей обусловлена, прежде всего, трансформациями, которые переживает современное российское общество в сфере гражданского участия. Поколение, приходящее в избирательную практику, формирует свое представление о праве и законе не столько через институциональные механизмы, сколько через повседневный опыт взаимодействия с государством на локальном уровне. При этом наблюдается определенный разрыв между декларируемыми целями гражданского образования в образовательных организациях и реальными компетенциями, которыми обладает гражданин к моменту приобретения активного избирательного права. Этот разрыв становится особенно заметным в контексте снижения доверия молодежи к традиционным политическим институтам и одновременного роста их вовлеченности в несистемные формы гражданской активности.

Проблема формирования правовой культуры молодого избирателя не сводится к простому перечислению нормативных знаний или механическому усвоению процедур избирательного процесса. Она носит, по существу, аксиологический характер, поскольку касается становления гражданской идентичности личности в период ее социализации. Правовая культура выстраивается как система устойчивых ориентаций, включающих когнитивный, эмоционально-оценочный и деятельностный компоненты. Однако в существующей практике гражданского образования доминирует именно когнитивистская модель, при которой знание закона отождествляется с его пониманием, а понимание, в свою очередь, с готовностью действовать в соответствии с правовыми предписаниями. Такой подход игнорирует специфику молодежной субкультуры, где ценностные установки формируются под влиянием горизонтальных коммуникаций и личного примера значимых других, а не вертикальных институциональных императивов.

В связи с этим возникает необходимость переосмысления педагогических условий, в рамках которых происходит становление правовой культуры молодых избирателей. Под педагогическими условиями здесь понимается совокупность организационных, содержательных и технологических факторов образовательной среды, сознательно сконструированных педагогом для достижения целей гражданского воспитания. Речь идет не о формальном перечне требований к учебному процессу, а о живой педагогической системе, где содержание правового образования органически связано с реальными жизненными ситуациями молодого человека, а методы обучения стимулируют не репродуктивное воспроизведение информации, а рефлексивную позицию по отношению к правовой действительности. Именно эта проблематика определяет логику настоящего исследования, направленного на выявление

эффективных педагогических условий формирования правовой культуры молодых избирателей в системе гражданского образования.

Прежде чем переходить к анализу педагогических условий, необходимо уточнить само понятие правовой культуры молодого избирателя. Так, Шиханова Е.Г. и Кленкина О.В. обосновывают трехкомпонентную структуру правовой культуры личности, включающую когнитивный компонент, обеспечивающий информированность индивида о правовых нормах и своих правах; мотивационно-волевой компонент, регулирующий оценку и поведение с позиции правовых установок и ценностей; а также поведенческо-деятельностный компонент, выступающий движущей силой правового поведения и обеспечивающий контроль соблюдения правовых норм [1]. Другой подход акцентирует ценностно-нормативный аспект, понимая правовую культуру как ориентацию, лежащую в основе правовой культуры и позволяющую перевести теоретические знания права в реальные поведенческие паттерны [2, с. 145]. Для целей настоящего исследования представляется продуктивным синтез этих подходов: правовая культура молодого избирателя понимается как интегративное личностное образование, включающее осознанное знание конституционных основ избирательного права, ценностное принятие демократических процедур как легитимного способа разрешения общественных противоречий и готовность к активному, ответственному участию в избирательном процессе.

Современная практика гражданского образования сталкивается с рядом проблем, снижающих качество формирования правовой культуры молодежи. Первая – фрагментарность содержания. В школьном курсе обществознания темы избирательного права, конституционного строя и механизмов народовластия даются отрывочно, без межпредметных связей. Учащиеся изучают структуру власти, но не моделируют процесс принятия политических решений; получают сведения о правах человека без привязки к реальным механизмам их защиты. Вторая проблема – преимущественно репродуктивная методика. Дискуссии по актуальным вопросам, ролевые игры, проектная работа с локальными проблемами внедряются нерегулярно и часто формально. Третья – разрыв между школьной средой и реальным гражданским участием. Молодой человек изучает институты представительной демократии, но редко сталкивается с ними за пределами школы: посещает заседания местных советов, участвует в общественных слушаниях, волонтерских проектах. Этот разрыв порождает эффект «параллельных реальностей»: курс обществознания воспринимается как абстракция, а реальные гражданские практики складываются стихийно – под влиянием семьи, сверстников и медиасреды.

Преодоление этих противоречий требует выстроить систему педагогических условий. Первое

из них – интеграция содержания гражданского образования. Речь идёт не о механическом сведении разрозненных тем в единый курс, а о создании содержательных связей между различными аспектами правовой и политической реальности. На практике это означает, что изучение избирательного права должно сопровождаться осмыслением его связи с другими институтами: как формируются избирательные округа, почему важна избирательная комиссия, каков механизм обжалования нарушений. Но не менее важно и другое: содержание образования должно включать не только нормативный материал, но и анализ конкретных кейсов из местной политической жизни, исторические примеры развития избирательных систем, сравнительный анализ практик разных стран. Такая интеграция позволяет учащемуся увидеть избирательное право не как изолированный набор правил, а как живой институт, встроенный в более широкий контекст общественных отношений.

Второе условие предполагает переход от репродуктивных методов обучения к активным и интерактивным формам педагогического взаимодействия. Здесь речь идет о методах, которые стимулируют не запоминание, а мышление, не воспроизведение, а конструирование собственной позиции. К числу таких методов относятся деловые и ролевые игры, моделирующие избирательные процессы; проектная деятельность, в ходе которой учащиеся разрабатывают и реализуют собственные гражданские инициативы; дискуссионные семинары по актуальным правовым проблемам; кейс-стади, требующие анализа реальных судебных и избирательных ситуаций. Метод моделирования избирательных кампаний помогает учащимся понять не только техническую сторону выборов, но и политическую динамику – формирование повестки, мобилизацию избирателей, агитацию. Однако такие занятия должны быть регулярными, а не единичными, и требуют от педагога соответствующей подготовки.

Третье условие связано с расширением практико-ориентированной составляющей гражданского образования. Правовая культура складывается через реальное гражданское участие, а не только в классе. Поэтому в образовательный процесс стоит включить практику: работу в молодежных избирательных комиссиях, участие в школьном и студенческом самоуправлении, волонтерство в социальных проектах с взаимодействием с муниципалитетами. Важно и сотрудничество школ с общественными институтами и органами местного самоуправления – это дает студентам примеры реального гражданского поведения.

Четвертое условие касается формирования у педагогов компетенций в области гражданского образования. Каким бы совершенным ни было содержание программы и какими бы разнообразными ни были методы, конечный результат

во многом определяется личностью педагога, его собственной гражданской позицией, готовностью к диалогу, способностью организовать рефлексивное обсуждение сложных вопросов. В этой связи необходима системная работа по повышению квалификации педагогов, включающая не только освоение новых методик, но и развитие собственной правовой культуры педагога, его способности к нейтральной модерации дискуссий, к работе с конфликтными ситуациями в классе, к созданию атмосферы доверия и уважения к различным позициям. Педагог, который сам не голосует на выборах или воспринимает избирательный процесс как формальность, вряд ли сможет убедить учащихся в значимости их будущего гражданского участия.

Пятое условие предполагает создание в образовательной организации развивающей среды, способствующей формированию гражданской идентичности. Под развивающей средой понимается совокупность материальных, социальных и культурных факторов, которые в совокупности создают атмосферу, стимулирующую гражданское самоопределение. К таким факторам относятся: наличие демократических процедур в школьной жизни, обеспечивающих реальное, а не декларативное участие учащихся в принятии решений; открытость образовательной организации для взаимодействия с внешним социумом; наличие информационных ресурсов, позволяющих учащимся самостоятельно ориентироваться в правовой информации; создание традиций гражданских мероприятий, становящихся частью школьной культуры. Важно, чтобы эта среда была не статичной, а динамичной, открытой для инициативы учащихся и способной адекватно реагировать на изменения в социальной ситуации.

Шестое условие связано с использованием цифровых технологий в гражданском образовании. Современная молодежь получает значительную часть информации о политике и праве через цифровые каналы, и игнорирование этой реальности делает образовательные усилия неэффективными. Вместе с тем цифровые технологии могут стать мощным педагогическим ресурсом: интерактивные платформы позволяют моделировать избирательные процессы, онлайн-сервисы дают доступ к актуальной нормативной базе, социальные медиа могут использоваться для организации дискуссий и публичных кампаний. При этом необходимо развивать у учащихся критическое восприятие цифровой информации, способность отличать достоверные источники от манипулятивных, понимание специфики цифровых коммуникаций в политической сфере. Цифровая грамотность в контексте гражданского образования приобретает статус не вспомогательного, а существенного компонента правовой культуры молодого избирателя.

Обозначенные условия не следует понимать как изолированные друг от друга требования.

Наоборот, они образуют единую педагогическую систему, где каждое условие усиливает действие остальных. Интеграция содержания создает базу для применения активных методов, активные методы требуют практико-ориентированной деятельности, практико-ориентированность невозможна без подготовленного педагога и развивающей среды, а цифровые технологии пронизывают все перечисленные компоненты, обеспечивая их современность и доступность. Именно в таком системном понимании и заключается специфика педагогического подхода к формированию правовой культуры молодых избирателей, отличающего его от фрагментарных и эпизодических образовательных воздействий.

Таким образом, формирование правовой культуры молодых избирателей в системе гражданского образования представляет собой многомерную задачу, требующую системного подхода на уровне содержания, методов, практической деятельности и образовательной среды. Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективность данного процесса определяется не изолированными педагогическими воздействиями, а их органичным взаимодействием: интеграция содержания создает основу для применения активных методов, последние обуслов-

ливают необходимость практико-ориентированной деятельности, а та, в свою очередь, требует соответствующей подготовки педагогических кадров и развивающей образовательной среды. При этом цифровые технологии выступают трансверсальным компонентом, пронизывающим все перечисленные условия и обеспечивающим их адекватность современной молодежной культуре. Существенным представляется и то обстоятельство, что предложенные условия носят не универсальный, а ориентировочный характер: их конкретная реализация должна учитывать специфику конкретной образовательной организации, уровень подготовки педагогического коллектива и особенности целевой аудитории. Вместе с тем общая логика системного подхода, направленная на преодоление разрыва между декларативным знанием и реальным гражданским действием, сохраняет свою значимость вне зависимости от локальных контекстов. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно сконцентрировать на эмпирической проверке эффективности выделенных условий и разработке диагностических инструментов, позволяющих оценивать динамику формирования правовой культуры молодых избирателей на различных этапах гражданского образования.

Список литературы:

[1] Шиханова Е. Г. Содержание и структура правовой культуры личности / Е. Г. Шиханова, О. В. Кленкина // *Общество: политика, экономика, право.* – 2020. – № 2(79). – С. 73-78.

[2] Балакшин А.С. Правовая культура как социальный феномен / А.С. Балакшин // *Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов.* – Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2015. – С. 143-149.

References:

[1] Shikhanova E. G. Content and structure of the legal culture of the individual / E. G. Shikhanova, O. V. Klenkina // *Society: politics, economics, law.* - 2020. - No. 2 (79). - P. 73-78.

[2] Balakshin A.S. Legal culture as a social phenomenon / A.S. Balakshin // *Actual problems of the state, law and humanitarian sciences: Collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference of graduate students, master's students, and students.* - Nizhny Novgorod: Volzhsky State University of Water Transport, 2015. - P. 143-149.



ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-13-16

РЕПКИН Максим Сергеевич,
магистрант 2 курса гр. АМЮ21
Донского государственного технического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РЫБАК Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право»
Донского государственного технического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ мер ответственности за нарушение режима коммерческой тайны в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность, а также судебная практика последних лет. Особое внимание уделяется новеллам российского законодательства (Федеральный закон № 175-ФЗ от 24 июня 2025 г.) и китайскому Постановлению о защите коммерческой тайны (2026 г.). Формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учётом китайского опыта.

Ключевые слова: коммерческая тайна, Россия, Китай, уголовная ответственность, разглашение, разумные меры, судебная практика, убытки.

REPkin Maxim Sergeevich,
second-year master's student, group AMYu21,
Don State Technical University

Academic Supervisor:
RYBAK Svetlana Viktorovna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Civil Law,
Don State Technical University

TRADE SECRETS IN RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LIABILITY MEASURES

Annotation. This article provides a comparative analysis of liability measures for violation of trade secret regimes in the Russian Federation and the People's Republic of China. It examines criminal, administrative, disciplinary and civil liability, as well as recent judicial practice. Special attention is paid to Russian legislative novelties (Federal Law No. 175-FZ of June 24, 2025) and the Chinese Regulation on the Protection of Trade Secrets (2026). Proposals for improving Russian legislation in light of Chinese experience are formulated.

Key words: trade secret, Russia, China, criminal liability, disclosure, reasonable measures, judicial practice, damages.

Вопрос о том, как заставить уважать чужую коммерческую тайну, стоит сегодня перед всеми развитыми экономиками. Россия и Китай — не исключение. Обе страны за последние годы существенно ужесточили ответственность за незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, однако подходы к деталям — и, что важнее, к эффективности — различаются порой кардинально.

Российское законодательство о коммерческой тайне базируется на Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ, который определяет коммерческую тайну через три признака: информация не должна быть общедоступной, должна обладать коммерческой ценностью именно в силу неизвестности третьим лицам, а её обладатель обязан принимать разумные меры для сохранения конфиденциальности [1]. Однако, как показывает практика, именно последний критерий — «разумные меры» — вызывает наибольшие споры.

Ключевым событием 2025 года стало принятие Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 175-ФЗ, которым были усилены санкции по статье 183 Уголовного кодекса РФ. Теперь за незаконное разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны грозит лишение свободы до четырёх лет (ч. 2 ст. 183 УК РФ). При совершении деяния группой лиц по предварительному сговору или из корыстной заинтересованности — лишение свободы от двух до пяти лет со штрафом до 5 млн руб. (ч. 3). Деяния, повлёкшие тяжкие последствия, наказываются лишением свободы от трёх до семи лет со штрафом до 5 млн руб. (ч. 4) [2].

Параллельно с этим ужесточением судебная практика демонстрирует движение в сторону содержательного подхода. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2025 г. № 8Г-10400/2025 признало законным увольнение работника, пересылавшего конфиденциальные документы на личный телеграм-аккаунт. Суд исходил из того, что сам факт выведения информации из-под контроля обладателя, даже при отсутствии доказательств ознакомления третьих лиц, является разглашением [2]. Однако, как отмечают специалисты, такие решения пока остаются скорее исключением. В большинстве случаев работодатели проигрывают дела из-за того, что не могут доказать факт установления режима коммерческой тайны: отсутствует гриф на документах, не определён перечень охраняемых сведений, не взяты с работников письменные обязательства о неразглашении [3].

Китайская система защиты коммерческой тайны за последние годы совершила, пожалуй, настоящий рывок. Основной акт — Закон о недобросовестной конкуренции (Anti-Unfair Competition Law) в редакции 2019 года — определяет коммерческую тайну как техническую и коммерческую информацию, не являющуюся об-

щезвестной, обладающую коммерческой ценностью и практической применимостью, в отношении которой правообладатель принял меры по сохранению конфиденциальности [3]. Однако ключевые изменения произошли в 2025–2026 годах.

24 февраля 2026 года Государственное управление по регулированию рынка (SAMR) обнародовало Постановление о защите коммерческой тайны, которое вступило в законную силу 1 июня 2026 года, тем самым заменив Положения 1995 года. Данная реформа стала самой крупной за последние тридцать лет трансформацией в области административного регулирования коммерческой тайны [4]. Во-первых, Постановление расширяет перечень охраняемой информации и включает в него «данные» и «алгоритмы», что имеет особенно значение в эпоху цифровизации. Во-вторых, устанавливает систему мер государственного принуждения, применяемая в административном порядке, которая охватывает как стандартизированные требования к предварительным доказательствам, так и расширение прав в сфере следственной деятельности. В-третьих, разъясняет, что самостоятельная разработка, обратный инжиниринг либо получение сведений из открытых источников, не являются нарушением [5].

Подход к уголовной ответственности в КНР заслуживает к себе пристального внимания, поскольку в апреле 2025 года были приняты новые судебные разъяснения Верховного суда и Верховной народной прокуратуры, которые уточнили критерии «серьёзного ущерба». Преступления, повлекшие ущерб свыше 300 000 юаней (примерно 3,8 млн рублей), влекут за собой уголовную ответственность. Важно отметить, что для рецидивистов, совершивших повторное нарушение в течение двух лет после предыдущего наказания (уголовного или административного), порог для уголовного преследования значительно ниже — всего 100 000 юаней [6]. В разъяснениях представлены подробные правила подсчёта размеров «убытков» в различных ситуациях — от применения справедливой лицензионной платы до упущенной прибыли владельцами коммерческой тайны. По статистике Верховной народной прокуратуры КНР, с 2021 по 2024 год за разглашение коммерческой тайны к ответственности были привлечены 1 262 человека [6].

Уголовное дело 14 бывших сотрудников Huawei является ярким примером последствий незаконных действий с коммерческой тайной. Третий промежуточный народный суд Шанхая признал подсудимых виновными в незаконном присвоении конфиденциальной информации, которая связана с разработками дочерней компанией HiSilicon Technologies. Бывшие сотрудники понесли наказания в виде лишения свободы сроком до шести лет, а также к крупным денежным штрафам [7].

При сравнении данных правовых систем, следует выделить некоторые ключевые различия. Во-первых, в Китае на законодательном уровне ясно определён минимальный размер ущерба для возбуждения уголовного преследования, в то время как в России статья 183 УК РФ не содержит аналогичных количественных критериев, что предоставляет свободу усмотрения правоприменительным органам. Во-вторых, китайское законодательство детально регулирует расчёт убытков при нарушении коммерческой тайны, включая возможность использования «разумной лицензионной платы» как базы для исчисления. В России, как показывает анализ, доказать размер убытков от разглашения коммерческой тайны крайне сложно, что часто делает гражданско-правовую защиту иллюзорной. В-третьих, Китай активно использует «трёхуровневую» систему — административную, уголовную и гражданско-правовую — с усилением координации между ведомствами. В России такого системного подхода пока нет.

Что из этого опыта могло бы пригодиться России? Представляется, что как минимум три направления заслуживают внимания. Во-первых, введение в статью 183 УК РФ и в соответствующие разъяснения Верховного Суда количественных критериев «крупного ущерба» (например, от

5 млн руб.) и «особо крупного ущерба» (от 15 млн руб.), что позволило бы унифицировать правоприменение. Во-вторых, законодательное закрепление возможности исчисления убытков от разглашения коммерческой тайны исходя из размера разумной лицензионной платы, которая была бы уплачена при правомерном использовании информации. Такой подход, широко применяемый в Китае и в странах общего права, позволил бы защитить права обладателя коммерческой тайны даже в тех случаях, когда фактические убытки не могут быть доказаны с достаточной степенью достоверности. В-третьих, усиление координации между правоохранительными органами (МВД, ФСБ, прокуратура) при расследовании нарушений коммерческой тайны, возможно, с созданием специализированных подразделений.

Конечно, прямое копирование китайских подходов невозможно — слишком различаются правовые системы, уровень экономического развития и правовой культуры. Однако творческая адаптация отдельных элементов, несомненно, способна повысить эффективность защиты коммерческой тайны в России. А в условиях цифровой экономики и растущих киберугроз это становится не просто желательным, а жизненно необходимым.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024) // *Собрание законодательства РФ*. — 2004. — № 31. — Ст. 3227.
- [2] Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. — 2025. — № 26. — Ст. 4872.
- [3] Пугачёва Н.В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // *Ежегодник трудового права*. — 2024. — Вып. 14. — С. 219–230.
- [4] Постановление Государственного управления по регулированию рынка КНР от 24 февраля 2026 г. № 126 «О защите коммерческой тайны» // *Государственная газета КНР*. — 2026. — № 12.
- [5] *China's Biggest Trade Secret Reform in 30 Years: What Businesses Need to Know* // *EU China IP SME Helpdesk*. URL: https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/news-events/news/chinas-biggest-trade-secret-reform-30-years-what-businesses-need-know-2026-04-03_en (дата обращения: 03.04.2026).
- [6] Судебные разъяснения Верховного суда и Верховной народной прокуратуры КНР «О применении уголовной ответственности за преступления, связанные с коммерческой тайной» (апрель 2025 г.) // *Официальный сайт Верховного суда КНР*. URL: <https://www.court.gov.cn/> (дата обращения: 03.04.2026).
- [7] Уголовное дело № (2025) 沪03刑初45号 (Третий промежуточный народный суд Шанхая, 15 октября 2025 г.) // *law-lib.com*. URL: <https://www.law-lib.com/> (дата обращения: 03.04.2026).

References:

- [1] *Federal Law of July 29, 2004 No. 98-FZ «On Commercial Secrets» (as amended on August 8, 2024)* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2004. — No. 31. — Article 3227.
- [2] *Federal Law of June 24, 2025 No. 175-FZ «On Amendments to Article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation»* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. — 2025. — No. 26. — Article 4872.
- [3] *Pugacheva N.V. Ensuring the Employer's Right to Protect Information: Problems of Legal Regulation* // *Yearbook of Labor Law*. — 2024. — Issue 14. — P. 219–230.
- [4] *Regulation of the State Administration for Market Regulation of the People's Republic of China dated February 24, 2026, No. 126 «On the Protection of Commercial Secrets»* // *State Gazette of the People's Republic of China*. - 2026. - No. 12.
- [5] *China's Biggest Trade Secret Reform in 30 Years: What Businesses Need to Know* // *EU China IP*

SME Helpdesk. URL: https://intellectual-property-helpdesk.ec.europa.eu/news-events/news/chinas-biggest-trade-secret-reform-30-years-what-businesses-need-know-2026-04-03_en (accessed: 03.04.2026).

[6] Judicial Interpretations of the Supreme Court and the Supreme People's Procuratorate of the People's Republic of China «On the Application of Criminal Liability for Crimes Related to Trade Secrets» (April 2025) // Official Website of the Supreme Court of the People's Republic of China. URL: <https://www.court.gov.cn/> (date of access: 03.04.2026).

[7] Criminal Case No. (2025) No. 45 (Shanghai Third Intermediate People's Court, October 15, 2025). // [law-lib.com](https://www.law-lib.com/). URL: <https://www.law-lib.com/> (date of access: 03.04.2026).



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-17-19

РЕПКИН Максим Сергеевич,

магистрант 2 курса гр. АМЮ21

Донского государственного технического университета,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

РЫБАК Светлана Викторовна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры «Гражданское право»

Донского государственного технического университета,

e-mail: mail@law-books.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования конфиденциальной информации в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Рассматриваются легальные определения, система видов конфиденциальных сведений, а также подходы к установлению режима коммерческой и служебной тайны. Отдельное внимание уделено новеллам германского законодательства — Закону о защите коммерческой тайны (GeschGehG) 2019 года и процессуальной новелле статьи 273a ZPO, вступившей в силу в апреле 2025 года. Сделан вывод о возможности использования отдельных германских механизмов в российской правовой системе.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, коммерческая тайна, Германия, GeschGehG, разумные меры защиты, негативная информация, сравнительное правоведение.

REPKIN Maxim Sergeevich,

second-year master's student, group AMYu21,

Don State Technical University

Academic Supervisor:

RYBAK Svetlana Viktorovna,

Candidate of Law,

Associate Professor, Department of Civil Law,

Don State Technical University

CONFIDENTIAL INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article presents a comparative analysis of the legal regulation of confidential information in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. It examines legal definitions, the system of types of confidential information, and approaches to establishing regimes for commercial and official secrets. Special attention is paid to recent German legislative innovations — the Trade Secrets Protection Act (GeschGehG) of 2019 and the procedural amendment articles 273a ZPO that came into force in April 2025. The author concludes that certain German mechanisms could be usefully adapted for the Russian legal system.

Key words: confidential information, trade secret, Germany, GeschGehG, reasonable protective measures, negative information, comparative law.

В российском правовом порядке понятие конфиденциальной информации, пожалуй, одно из самых сложных и одновременно недостаточно определённых. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» раскрывает лишь «конфиденциальность» как обязательное требование для лица, получившего доступ к информации, не передавать её третьим лицам без согласия обладателя. Однако перечня того, какие именно сведения следует считать конфиденциальными, закон не даёт. Этот пробел отчасти восполняется Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», который включает шесть категорий: персональные данные, тайну следствия, служебную тайну, профессиональную тайну, коммерческую тайну и сведения о существовании изобретений до их официальной публикации [1].

В Германии подход к конфиденциальной информации (*vertrauliche Informationen*) также носит многоуровневый характер, но отличается большей системностью. Центральное место занимает Закон о защите коммерческой тайны (*Gesetz zum Schutz von Geschäftsgeheimnissen - GeschGehG*), принятый 18 апреля 2019 года во исполнение Директивы ЕС 2016/943 [2]. В соответствии с положениями статьи 2 Закона о защите коммерческой тайны (*GeschGehG*), чтобы информация считалась коммерческой тайной, она должна соответствовать трём критериям: во-первых, информация не должна быть общеизвестной или легкодоступной для определённого круга лиц; во-вторых, её статус конфиденциальности должен придавать ей экономическую ценность; и в-третьих, законный владелец должен предпринять разумные меры для обеспечения её секретности [3]. Следует отметить, что законодательство Германии к видам охраняемой информации относит «негативную информацию» (*negative Information*). К такой информации относятся сведения о производственных просчетах, неудачных направлениях исследований и разработок, а также о потенциальной угрозе банкротства. На мой взгляд, данная законодательная инициатива представляет собой значимое решение, которое заслуживает пристального внимания. Она подчеркивает коммерческую ценность даже «отрицательных» знаний, то есть информация о том, какие действия следует избегать.

Германская система защиты конфиденциальной информации включает также специальные правила для служебной и государственной тайны. Уголовный кодекс ФРГ (*StGB*) в статьях 93–97 устанавливает ответственность за государственную измену и разглашение сведений, которые составляют государственную тайну. Под государственная тайна понимаются факты, объекты или информация, доступ к которым имеет ограниченный круг лиц и которые должны быть скрыты

от иностранных государств для предотвращения возникновения серьёзной угрозы национальной безопасности [4]. Процедура допуска к таким сведениям включает так называемую «проверку на благонадежность», распространяющуюся не только на самого кандидата, но и на его супруга и совершеннолетних совместно проживающих лиц.

Сравнение российской и германской моделей обнаруживает как общие черты, так и существенные различия. Общим является признание трёх базовых критериев коммерческой тайны, закреплённых в статье 39 Соглашения TRIPS: секретность, коммерческая ценность и разумные меры защиты. Однако в Германии эти критерии детализированы на уровне закона и подкреплены процессуальными механизмами. Важнейшей новеллой 2025 года стало введение статьи 273a Гражданского процессуального кодекса Германии (ZPO), распространившего действие статей 16–20 *GeschGehG* на все виды гражданского судопроизводства [5]. Суды теперь могут по заявлению стороны классифицировать информацию как конфиденциальную, а участники процесса обязаны обращаться с ней соответствующим образом под угрозой штрафа до 100 000 евро или тюремного заключения до шести месяцев. Примечательно, что для обоснования защитного распоряжения достаточно лишь потенциальной возможности того, что раскрываемая информация может быть коммерческой тайной.

Российское законодательство, к сожалению, пока не знает столь детализированных процессуальных механизмов. Как справедливо отмечает Е.В. Леошкевич, отсутствие легального определения «разглашения» в КоАП РФ и Федеральном законе № 149-ФЗ приводит к тому, что суды по-разному оценивают однородные действия, что снижает предсказуемость правоприменения [6]. Показательным является Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2025 г. № 8Г-10400/2025, в котором суд признал разглашением сам факт пересылки работником конфиденциальных документов на личный телеграм-аккаунт, даже без доказательств ознакомления третьих лиц. Однако такой подход, хотя и прогрессивный, является исключением, а не правилом.

Ещё одно различие касается подхода к «негативной информации». Германский *GeschGehG* прямо её охраняет, тогда как российское законодательство не содержит аналогичной нормы. Как показывает практика, информация о неудачных исследованиях, отклонённых проектах или о производственных неудачах для конкурентов представляет собой такую же ценность, как и могут успешные ноу-хау. На мой взгляд, для улучшения Федерального закона «О коммерческой тайне» необходимо позаимствовать подход законодательства Германии. В частности, предлагаю добавить в статью 3 положение о том, что в перечень коммерческой тайны входит информация, которая

имеет отрицательную коммерческую ценность, но при этом она не является общедоступной.

Стоит отметить немецкий опыт, где процессуальные гарантии защиты конфиденциальной информации охватывают все гражданские дела. В российской правовой системе дела о защите коммерческой тайны рассматриваются по общим процессуальным правилам ГПК РФ и АПК РФ, которые, к сожалению, не обладают специальными инструментами для сохранения конфиденциальности на стадии судебного разбирательства. Подобное положение создаёт серьёзную проблему: обладатель коммерческой тайны, обращаясь в суд, вынужден раскрывать охраняемую информацию, что способно нанести больший вред, чем само

нарушение. Внедрение института «confidentiality clubs» или процедуры, которая аналогична германской, позволило бы значительно усилить эффективность судебной защиты коммерческой тайны.

Подводя итог, можно утверждать, что германская модель правового регулирования конфиденциальной информации, особенно в части процессуальных механизмов защиты коммерческой тайны и включения негативной информации, представляет значительный интерес для российской правовой системы. Её адаптация с учётом отечественной специфики могла бы стать одним из направлений совершенствования законодательства в сфере информации ограниченного доступа.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» (ред. от 23.09.2005) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 10. — Ст. 1127.

[2] Gesetz zum Schutz von Geschäftsgeheimnissen (GeschGehG) vom 18. April 2019 // BGBl. I S. 466.

[3] Directive (EU) 2016/943 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) // Official Journal of the European Union. — 2016. — L 157. — P. 1–29.

[4] Strafgesetzbuch (StGB) — § 93 Geheimnisverrat. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_93.html (дата обращения: 03.04.2026).

[5] BB-Rechtsprechungsreport zum Geschäftsgeheimnisrecht 2025 // Haufe. — 8 December 2025. // R&W Online. URL: <https://betriebs-berater.ruw.de/wirtschaftsrecht/collection/BB-Rechtsprechungsreport-zum-Vertriebsrecht-2016-34438> (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Леошкевич Е.В. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом // Евразийская адвокатура. — 2022. — № 4 (59). — С. 41–44.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of March 6, 1997 No. 188 «On Approval of the List of Confidential Information» (as amended on September 23, 2005) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 10. - Article 1127.

[2] Federal Law on the Protection of Confidential Information (Federal Law) of April 18, 2019 // BGBl. I S. 466.

[3] Directive (EU) 2016/943 of the European Parliament and of the Council of June 8, 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) // Official Journal of the European Union. - 2016. - L 157. - P. 1–29.

[4] Strafgesetzbuch (StGB) - § 93 Geheimnisverrat. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_93.html (access date: 04/03/2026).

[5] BB-Rechtsprechungsreport zum Geschäftsgeheimnisrecht 2025 // Haufe. — 8 December 2025. // R&W Online. URL: <https://betriebs-berater.ruw.de/wirtschaftsrecht/collection/BB-Rechtsprechungsreport-zum-Vertriebsrecht-2016-34438> (access date: 04/03/2026).

[6] Leoshkevich E.V. Current issues of bringing to administrative responsibility for disclosure of information, access to which is restricted by federal law // Eurasian Advocacy. - 2022. - No. 4 (59). - P. 41-44.



Дата поступления рукописи в редакцию: 023.03.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-20-25

ЖАРКОВА Елизавета Владимировна,
магистрант Смоленского государственного университета,
филиал «Росатом Энергосбыт» Смоленск, юрисконсульт,
e-mail: melissa.navi@mail.ru

ПРЯМЫЕ ДОГОВОРЫ В СФЕРЕ ЖКХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Статья содержит сравнительно-правовой анализ прямых договоров ресурсоснабжения в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Исследуются предпосылки реформы, правовая природа института, субъектный состав, порядок заключения и исполнения, результаты правоприменения 2019–2025 гг. Выявлены ключевые проблемы: разграничение ответственности за качество ресурса и внутридомовые сети, перерасчёты при нарушениях, слабая защита потребителей в условиях монополии. Проведено сравнение с зарубежными моделями, выделены различия в конкуренции, прозрачности тарифов и защите прав. Сформулированы предложения по усилению гарантий потребителей с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: прямые договоры, жилищно-коммунальные услуги, ресурсоснабжающие организации, защита прав потребителей, сравнительное правоведение, жилищное право.

ZHARKOVA Elizaveta Vladimirovna,
Master's student, Smolensk State University,
Smolensk Branch of Rosatom Energosbyt, Legal Counsel

DIRECT CONTRACTS IN HOUSING AND COMMUNAL SERVICES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of direct resource supply contracts in the housing and communal services sector. It examines the prerequisites for the reform, the legal nature of the institution, the composition of parties, the procedure for conclusion and performance, and the results of law enforcement practice in 2019–2025. Key problems identified include: the unclear delineation of liability for resource quality and the condition of in-house networks, difficulties with charge recalculation in cases of violations, and inadequate consumer protection under monopoly conditions of suppliers. A comparison is made with foreign models, highlighting differences in supplier competition, tariff transparency, and consumer rights protection. Proposals are formulated to strengthen consumer guarantees, considering elements of foreign experience.

Key words: direct contracts, housing and communal services, resource supply organizations, consumer rights protection, comparative law, housing law.

Проблематика правового регулирования отношений в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ) традиционно занимает одно из центральных мест в системе российского гражданского и жилищного законодательства. Сложившаяся в Российской Федерации (далее – РФ) модель оказания коммунальных услуг, характеризовавшаяся многоступенчатой структурой взаимодействия между субъектами, претерпела существенные трансформации в результате реформ последних лет. Федеральный закон от 03.04.2018 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации РФ» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ) [1] и последующие законодательные акты, включая Федеральный за-

кон от 12.12.2023 № 593-ФЗ (далее – Федеральный закон № 593-ФЗ) [2], закрепили институт «прямых» договоров между ресурсоснабжающими организациями и конечными потребителями коммунальных услуг, исключив управляющие организации из цепи расчетов за поставленные ресурсы.

Указанные изменения обусловлены необходимостью повышения эффективности функционирования жилищно-коммунального комплекса, обеспечения прозрачности финансовых потоков и пресечения злоупотреблений со стороны управляющих организаций, допускаявших накопление значительной задолженности перед ресурсоснабжающими организациями. Сложившаяся правоприменительная практика, в том числе позиции

высших судебных инстанций, отраженные в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 (далее – Обзор судебной практики ВС РФ № 3) [3], свидетельствуют о неоднозначности толкования отдельных положений законодательства и необходимости его дальнейшего совершенствования.

Вместе с тем анализ зарубежного опыта правового регулирования аналогичных отношений позволяет выявить альтернативные модели организации взаимодействия между поставщиками коммунальных ресурсов и потребителями. Европейский Союз в рамках Директивы ЕС 2019/944 [4] и ранее действовавшей Директивы ЕС 2009/72 [5] выработал унифицированный подход к обеспечению права потребителей на свободный выбор поставщика энергоресурсов, в то время как национальные правовые порядки отдельных государств-членов Евросоюза демонстрируют специфические черты реализации общих принципов. Так, в Федеративной Республике Германия действует развитая система разделения расходов на коммунальные услуги между арендодателями и арендаторами, закрепленная в § 556a Гражданского кодекса (Bürgerliches Gesetzbuch) [6], при этом прямые договоры арендаторов с поставщиками допускаются, но не являются обязательными. В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии институциональная модель предполагает активное регулирование рынка коммунальных услуг специализированным органом – Ofgem (Office of Gas and Electricity Markets), обеспечивающим защиту прав потребителей, включая арендаторов жилых помещений [7]. Французская модель характеризуется сочетанием либерализации рынка с жесткими механизмами государственного регулирования тарифов и защиты социально уязвимых категорий потребителей посредством института «защиты тарифов» [8].

Сравнительно-правовое исследование указанных моделей представляется актуальным в свете продолжающегося совершенствования российского законодательства о прямых договорах и необходимости обеспечения баланса интересов ресурсоснабжающих организаций (далее – РСО) и потребителей коммунальных услуг. Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительно-правовом анализе российского и зарубежного регулирования прямых договоров в сфере жилищно-коммунальных услуг (далее – ЖКУ).

Целью статьи является комплексное исследование особенностей правового регулирования прямых договоров в сфере ЖКУ в РФ и зарубежных странах, выявление достоинств и недостатков действующей российской модели на основе сравнительного анализа, и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Для достижения поставленной цели в работе исполь-

зуются общенаучные и специально-юридические методы познания: сравнительно-правовой метод, системный анализ, метод толкования норм права, а также метод анализа судебной практики.

До реформы 2018 года предоставление коммунальных услуг осуществлялось по многоступенчатой модели: РСО заключали договоры с управляющими организациями, товариществами собственников жилья или жилищными кооперативами, которые, в свою очередь, вступали в расчетные отношения с собственниками и нанимателями жилых помещений. Данная модель, несмотря на преимущество консолидации платежей, приводила к систематическому накоплению значительной задолженности управляющих организаций перед РСО.

Федеральный закон № 59-ФЗ ввёл в Жилищный кодекс Российской Федерации ст. 157.2, регулирующую предоставление коммунальных услуг непосредственно РСО и региональными операторами по обращению с твёрдыми коммунальными отходами [1]. Федеральный закон № 593-ФЗ закрепил прямые договоры в качестве общего правила, обязав собственников и нанимателей жилых помещений вступать в непосредственные правоотношения с поставщиками ресурсов [2]. Указанные изменения вступили в силу с 1 марта 2024 года, завершив переход от многоступенчатой к двусторонней модели договорных отношений.

Правовая квалификация прямых договоров в сфере ЖКХ представляет собой сложную задачу, требующую учета специфики регулируемых отношений. С одной стороны, данные договоры обладают признаками договоров присоединения, поскольку их условия определяются поставщиком коммунальных ресурсов в стандартизированной форме, а потребитель лишен реальной возможности влиять на содержание договора. С другой стороны, прямые договоры носят публично-правовой характер, обусловленный императивным регулированием соответствующих отношений законодательством о естественных монополиях и жилищным законодательством. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (далее – Постановление Правительства РФ № 354) устанавливает обязательные требования к содержанию договоров, порядку заключения, изменения и расторжения, фактически исключая диспозитивность в регулировании существенных условий [9]. В сфере электроснабжения и газоснабжения Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, мощности и газа» предусматривает обязанность гарантирующего поставщика заключить договор с лицом, подавшим заявку и присоединившимся к сетям, в течение установленного срока, что исключает произвольный отказ в заключении договора [10].

Субъектный состав прямых договоров в сфере ЖКХ характеризуется четкой дифференциацией прав и обязанностей участников. Поставщиками коммунальных ресурсов выступают организации, осуществляющие регулируемые виды деятельности в сфере электроэнергетики, газоснабжения, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения, включенные в соответствующие реестры и имеющие статус субъектов естественных монополий или иных организаций, осуществляющих поставку коммунальных ресурсов на основании лицензий [11]. Потребителями в контексте прямых договоров являются собственники и пользователи жилых помещений в многоквартирных домах, проживающие в жилых помещениях на законных основаниях и фактически потребляющие коммунальные ресурсы [12]. Жилищный кодекс РФ в редакции 2023 года расширил круг потребителей, введя понятие «пользователей помещений», что позволило урегулировать правовое положение лиц, проживающих в жилых помещениях без оформленных правоустанавливающих документов, но фактически получающих коммунальные услуги [2].

Существенной особенностью реформированной модели является исключение управляющих организаций, товариществ собственников жилья и жилищных кооперативов из цепи расчетов за коммунальные услуги. Если ранее указанные организации выступали плательщиками перед РСО и одновременно кредиторами перед собственниками и нанимателями помещений, то в настоящее время их функции ограничиваются управлением многоквартирным домом и содержания общего имущества. Данное изменение, с одной стороны, устранило риски образования задолженности управляющих организаций перед поставщиками ресурсов, с другой – перенесло бремя финансовых рисков непосредственно на РСО и потребителей.

Существенные условия прямых договоров детально регламентированы нормативными актами, что ограничивает свободу договора сторон. К обязательным условиям относятся: предмет договора (вид коммунальной услуги), объем и качество предоставляемых услуг, цена и порядок расчетов, порядок изменения и расторжения договора, ответственность сторон [9].

Европейская модель правового регулирования отношений в сфере поставки энергоресурсов конечным потребителям формируется под влиянием директивного законодательства Европейского Союза, устанавливающего обязательные стандарты для национальных законодательств государств-членов. Директива 2009/72/ЕС от 13.07.2009 года, касающаяся общих правил внутреннего рынка электроэнергии, заложила основы либерализации розничных рынков и обеспечения права потребителей на свободный выбор поставщика [5]. Директива ЕС 2019/944 от 05.06.2019 года, заменившая Директиву 2009/72/

ЕС, углубила и конкретизировала права потребителей, установив, что «все потребители могут приобретать электроэнергию у поставщика по собственному выбору, и должны гарантировать, что все потребители по собственному усмотрению могут одновременно заключить более одного договора на поставку электроэнергии» [4].

Обязательства государств-членов ЕС по обеспечению прямого доступа потребителей к рынку энергоресурсов реализуются через национальное законодательство, создающее институциональные и процедурные механизмы защиты прав потребителей. В частности, законодательно предусмотрена обязанность государств-членов ЕС гарантировать, что все бытовые потребители имеют право требовать заключения договора с гарантирующим поставщиком по ценам, не превышающим регулируемые тарифы. Данное положение обеспечивает универсальный доступ к электроэнергии в случае невозможности заключить договор на коммерческих условиях.

Также важным элементом европейской модели правового регулирования является институт «поставщика последней инстанции», закрепленный в Директиве 2019/944, который обеспечивает непрерывность поставок электроэнергии в условиях банкротства поставщика или его отказа от исполнения обязательств [13]. Данная модель представляет собой альтернативу обязательным прямым договорам, поскольку сохраняет гибкость в организации правоотношений при гарантированной защите потребителей.

Германская модель правового регулирования ЖКУ характеризуется развитой системой разделения расходов между арендодателями и арендаторами, закрепленной в § 556a Гражданского кодекса Федеративной Республики Германия [6]. Данная норма устанавливает, что арендодатель вправе возложить на арендатора расходы на отопление, горячее водоснабжение и эксплуатацию общедомовых помещений, если это предусмотрено договором аренды. В отличие от российской модели, немецкое законодательство не предписывает обязательное заключение прямых договоров арендаторами с поставщиками, предоставляя сторонам свободу выбора способа организации расчетов [4]. При заключении прямых договоров арендатор самостоятельно оплачивает потребленные ресурсы поставщику, однако арендодатель сохраняет право контроля за сохранностью инженерных систем и вправе требовать предоставления копий платежных документов [14].

Защита арендаторов в немецком праве включает строгие ограничения на отключение коммунальных услуг за неуплату. Законодательство предусматривает многоступенчатую процедуру предупреждения арендатора о задолженности, обязанность предложения рассрочки платежа при наличии уважительных причин, а также запрет отключения отопления в отопительный сезон и отключения водоснабжения, если это создает

угрозу здоровью [15].

Англосаксонская модель правового регулирования характеризуется выраженной либерализацией рынка коммунальных ресурсов в сочетании с усиленной защитой прав потребителей. Центральную роль в регулировании отношений играет независимый государственный орган – Ofgem, наделенный полномочиями по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, защите прав потребителей и обеспечении надежности и бесперебойности энергоснабжения. Ofgem также разрабатывает обязательные для поставщиков стандарты поведения, включающие требования к прозрачности тарифов, порядку заключения и расторжения договоров, обращению с незащищенными категориями потребителей [7].

Прямые договоры арендаторов с поставщиками коммунальных ресурсов в Великобритании являются общепринятой практикой, при этом законодательство обеспечивает арендаторам жилых помещений широкие гарантии независимо от воли арендодателя. Согласно официальным рекомендациям Ofgem, арендаторы имеют право заключать прямые договоры с поставщиками электроэнергии независимо от воли арендодателя, если договор аренды не предусматривает иное [7]. Данное право реализуется через механизм смены поставщика, упрощенный для бытовых потребителей и не требующий согласия арендодателя.

Запрет на перекрестное субсидирование и обязанность прозрачности тарифов составляют важнейшие элементы британской модели защиты прав потребителей. Поставщики обязаны предоставлять потребителям ясную и полную информацию о структуре тарифов, включая фиксированные и переменные составляющие, а также о возможных изменениях цен в течение срока действия договора.

Французская модель правового регулирования прямых договоров в сфере энергоснабжения сочетает либерализацию рынка с жесткими механизмами государственного регулирования тарифов и активной социальной политикой. Правовые основы закреплены в Кодексе энергетики (Code de l'énergie), который включает положения директив ЕС во французское законодательство и устанавливает специфические национальные правила [16]. Кодекс энергетики гарантирует право потребителей на свободный выбор поставщика и заключение прямых договоров, предусматривая государственное регулирование тарифов на электроэнергию и газ для бытовых потребителей в случае выбора потребителями регулируемых тарифов.

Сравнительный анализ рассмотренных моделей позволяет выявить общие тенденции и специфические особенности правового регулирования прямых договоров в различных юрисдикциях. Объединяющим элементом является признание права потребителя на свободный выбор поставщика и заключение прямых договоров, реализу-

емые через включение положений директив ЕС в национальное законодательство. Вместе с тем существенные различия наблюдаются в степени государственного регулирования тарифов, механизмах защиты прав потребителей и распределении рисков между субъектами. Разнообразие существующих моделей предоставляет российскому законодателю возможность выборочного заимствования наиболее эффективных механизмов с учетом отечественной специфики и накопленного правоприменительного опыта.

Анализ действующего российского законодательства о прямых договорах в сфере ЖКХ позволяет выявить ряд системных проблем, требующих дальнейшей проработки. Недостаточная защита потребителей от предоставления некачественных ЖКУ при заключении прямых договоров представляет собой одну из наиболее острых проблем. При переходе на прямые договоры потребители лишились посредника в лице управляющей организации, которая, наряду с функциями плательщика, осуществляла контроль за качеством предоставляемых коммунальных услуг и защищала интересы собственников в спорах с поставщиками. В условиях заключения прямых договоров потребитель вынужден самостоятельно отстаивать свои права, однако правовая несостоятельность значительной части потребителей, не обладающих специальными знаниями в сфере жилищного права, создает риск систематического нарушения прав. Действующие механизмы защиты, включая право на перерасчет при несоответствии качества услуг, оказываются недостаточными из-за сложности доказывания факта предоставления услуги ненадлежащего качества и неэффективности административных процедур рассмотрения жалоб надзорными органами.

Сложности взыскания задолженности и риски отключения бытовых потребителей от электросети составляют вторую группу проблем, связанных с прямыми договорами. Для РСО переход на прямые договоры означает необходимость работы с массовым непрофессиональным контрагентом, что требует существенных изменений в системе управления дебиторской задолженностью и влечет рост операционных издержек. Правовые механизмы взыскания задолженности, включая судебный приказ и исковое производство, оказываются трудоемкими и не всегда эффективными применительно к значительному числу мелких должников. Вместе с тем отсутствие у поставщиков альтернативных способов воздействия на неплательщиков, за исключением ограничения или прекращения поставки, создает дилемму между коммерческими интересами и социальной ответственностью.

Отсутствие механизмов альтернативного урегулирования споров (медиации) между поставщиками и потребителями представляет собой структурный недостаток российской модели. Споры о качестве коммунальных услуг, размере начисле-

ний, порядке расчетов в подавляющем большинстве случаев подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции или арбитражных судах, что сопряжено с длительностью процесса, высокими процессуальными издержками и необходимостью привлечения профессиональных представителей. Отсутствие подобных институтов в РФ приводит к накоплению неразрешенных конфликтов, росту социальной напряженности и снижению доверия потребителей к институту прямых договоров.

Информационная асимметрия между поставщиками и потребителями усугубляется в условиях прямых договоров, поскольку потребитель лишен возможности получать информацию о состоянии инженерных систем и качестве ресурсов через управляющую организацию. Поставщики коммунальных ресурсов обладают монопольным доступом к данным о техническом состоянии сетей, фактических объемах поставок, структуре затрат, в то время как потребители располагают ограниченной информацией, содержащейся в платежных документах. Данная асимметрия затрудняет контроль за правильностью начислений, оценку обоснованности тарифов и эффективное отстаивание прав при нарушениях.

Сравнительный анализ правового регулирования прямых договоров ресурсоснабжения в РФ и зарубежных странах позволяет выделить ряд институтов и механизмов, которые представляются наиболее перспективными для адаптации к российским условиям. К ним относятся: институт поставщика последней инстанции, обеспечивающий непрерывность поставок в случае нестабильности или банкротства коммерческого поставщика; многоступенчатые процедуры предварительного предупреждения об отключении с обязательным предложением рассрочки платежа; специализированные независимые органы разрешения спо-

ров, обладающие экспертизой и полномочиями принимать обязательные для сторон решения; механизмы коллективной защиты прав потребителей, усиливающие их переговорную позицию в отношениях с поставщиками.

Необходимость формирования сбалансированной модели регулирования прямых договоров обусловлена двойственной природой ЖКУ как социально значимых благ, требующих одновременного обеспечения надежности поставок, экономической эффективности и социальной защиты населения. Прямые договоры создают предпосылки для повышения прозрачности финансовых потоков, снижения рисков накопления задолженности на промежуточном уровне и развития элементов рыночной конкуренции на розничных рынках коммунальных ресурсов. Однако достижение этих преимуществ возможно лишь при условии устранения информационной асимметрии между поставщиками и потребителями, создания эффективных и доступных механизмов защиты прав потребителей, а также сохранения и развития социальных гарантий, соответствующих специфике отрасли.

Сбалансированный подход предполагает признание коммунальных ресурсов объектами гражданских прав особой правовой природы, требующими специального регулирования, которое сочетает общие нормы гражданского права с императивными положениями жилищного законодательства и законодательства о защите прав потребителей. Реализация указанной концепции должна найти отражение в дальнейшем развитии Жилищного кодекса РФ, законодательства о естественных монополиях, а также в совершенствовании норм, регулирующих ответственность сторон и механизмы защиты экономически слабой стороны правоотношений.

Список литературы:

- [1] О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 03.04.2018 № 59-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2018. – № 14. – Ст. 1983.
- [2] О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 12.12.2023 № 593-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2023. – № 50. – Ст. 7172.
- [3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023 // *Вестник Верховного Суда Российской Федерации*. – 2024. – № 1.
- [4] Directive (EU) 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal market for electricity // *Official Journal of the European Union*. – 2019. – L 158/125.
- [5] Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity // *Official Journal of the European Union*. – 2009. – L 211/55.
- [6] *Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) : vom 18. August 1896 // Reichsgesetzblatt*. – 1896. – № 96. – S. 195–490.
- [7] *Tenants' energy rights explained*. – London : Ofgem (Office of Gas and Electricity Markets), 2016. – 12 p.
- [8] Berghmans N. *Exiting the Energy Crisis : Lessons Learned from the Energy Price Cap Policy in France* / N. Berghmans, L. Echghi // *Intereconomics*. – 2023. – Vol. 58. – No. 1. – P. 29–36.
- [9] О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : постановление Правительства Российской Федерации от

06.05.2011 № 354 (в ред. от 30.12.2023) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2011. – № 22. – Ст. 3168.

[10] О функционировании розничных рынков электрической энергии, мощности и газа : постановление Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 № 442 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2012. – № 19. – Ст. 2326.

[11] О направлении разъяснений по вопросам применения Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» : письмо Федеральной антимонопольной службы от 24.12.2012 № ИА/44025/12. // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70204278/> (дата обращения: 01.03.2026).

[12] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2005. – № 1 (ч. I). – Ст. 14.

[13] *Consumer rights in electricity and gas markets*. – Brussels : BEUC (The European Consumer Organisation), 2013. – 28 p.

[14] *Tenancy Law in Germany : A Guide for International Students*. – Aachen : RWTH Aachen University, 2024. – 28 p.

[15] *Utility bills for private tenants* // London : Shelter England, 2023. URL: https://england.shelter.org.uk/housing_advice/private_renting/utility_bills_and_your_rights (дата обращения: 01.03.2026).

[16] Code de l'énergie (Energy Code) // *Journal officiel de la République française*. – 2011. – Ordonnance n° 2011-504 du 9 mai 2011.

References:

[1] *On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation: Federal Law of 03.04.2018 No. 59-FZ* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2018. – No. 14. – Art. 1983.

[2] *On Amendments to the Housing Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 12.12.2023 No. 593-FZ* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2023. – No. 50. – Art. 7172.

[3] *Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2023): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023* // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. – 2024. – No. 1.

[4] *Directive (EU) 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal market for electricity* // *Official Journal of the European Union*. – 2019. – L 158/125.

[5] *Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity* // *Official Journal of the European Union*. – 2009. – L 211/55.

[6] *Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): vom 18. August 1896* // *Reichsgesetzblatt*. – 1896. – No. 96. – S. 195–490.

[7] *Tenants' energy rights explained*. – London : Ofgem (Office of Gas and Electricity Markets), 2016. – 12 p.

[8] Berghmans N. *Exiting the Energy Crisis : Lessons Learned from the Energy Price Cap Policy in France* / N. Berghmans, L. Echghi // *Intereconomics*. – 2023. – Vol. 58. – No. 1. – P. 29–36.

[9] *On the provision of public services to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings: Resolution of the Government of the Russian Federation of 06.05.2011 No. 354 (as amended on 30.12.2023)* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2011. – No. 22. – Art. 3168.

[10] *On the functioning of retail markets for electricity, capacity, and gas: Resolution of the Government of the Russian Federation of 04.05.2012 No. 442* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2012. – No. 19. – Art. 2326.

[11] *On sending clarifications on the application of the Federal Law «On the procurement of goods, works, and services by certain types of legal entities»: letter of the Federal Antimonopoly Service of 24.12.2012 No. IA/44025/12*. // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70204278/> (date of access: 01.03.2026).

[12] *Housing Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FZ* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2005. – No. 1 (Part I). – Art. 14.

[13] *Consumer Rights in Electricity and Gas Markets*. – Brussels: BEUC (The European Consumer Organization), 2013. – 28 p.

[14] *Tenancy Law in Germany: A Guide for International Students*. – Aachen: RWTH Aachen University, 2024. – 28 p.

[15] *Utility Bills for Private Tenants* // London: Shelter England, 2023. URL: https://england.shelter.org.uk/housing_advice/private_renting/utility_bills_and_your_rights (accessed: 01.03.2026).

[16] Code de l'énergie (Energy Code) // *Journal officiel de la République française*. – 2011. – Ordonnance n° 2011-504 du 9 mai 2011.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-26-31

СУШКО Маргарита Николаевна,
студентка 1 курса заочной формы обучения,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОЗДАНИЕ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Исследование посвящено историко-правовому анализу установления нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества, в советский период. В ходе исследования проанализирован весь этап развития советского периода соответствующих норм, начиная с дореволюционного законодательства, Руководящих начал 1919 г., уголовных кодексов РСФСР 1922, 1927 и 1960 гг., и вплоть до распада СССР. Выявлены тенденции развития советских норм об организованной преступной деятельности. Сделан вывод, что борьба с данным явлением является необходимой, поскольку на всем протяжении советского периода законодатель предусматривал соответствующие статьи борьбы с данными преступлениями. Отстаивается позиция того, что данные нормы являются социально обусловленными и необходимыми.

Ключевые слова: преступное сообщество, организованная преступность, советское уголовное право, УК РСФСР, контрреволюционные преступления, государственные преступления.

SUSHKO Margarita Nikolaevna,
1st year student of distance learning
Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

GENESIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR CREATING CRIMINAL ORGANIZATIONS: THE SOVIET PERIOD

Annotation. The study is devoted to the historical and legal analysis of the establishment of normative provisions establishing criminal liability for the creation of a criminal community during the Soviet period. The study analyzes the entire stage of the Soviet period development of the relevant norms, starting from pre-revolutionary legislation, the Guiding Principles of 1919, the Criminal Codes of the RSFSR of 1922, 1927 and 1960, up to the collapse of the USSR. The trends in the development of Soviet norms on organized criminal activity have been identified. It is concluded that the fight against this phenomenon is necessary, since throughout the Soviet period the legislator provided for relevant articles to combat these crimes. The position is defended that these norms are socially conditioned and necessary.

Key words: criminal organization, organized crime, Soviet criminal law, RSFSR Criminal Code, counter-revolutionary crimes, state crimes.

Формирование института уголовной ответственности за организованные формы преступной деятельности в советский период представляет собой сложный процесс, обусловленный кардинальными социально-политическими трансформациями российского общества. Понимание генезиса данного института невозможно без обращения к дореволюционной правовой традиции, которая заложила определенные кон-

цептуальные основы для последующего советского законодательства.

Уголовное уложение 1903 г., несмотря на то что полностью не вступило в силу, содержало нормативные положения, касающиеся групповых форм преступной деятельности. Дореволюционное законодательство рассматривало организованную преступность преимущественно через призму посягательств на государственную

власть и основы политического устройства. Заговор, как наиболее опасная форма коллективного криминального поведения, предполагал предварительную договоренность нескольких лиц о совершении государственного преступления. Однако концептуальное понимание организованности существенно отличалось от последующих советских интерпретаций, поскольку фокусировалось на объективной стороне деяния, а не на классово-природе субъекта преступления.

Революционные события 1917 г. радикально изменили правовую систему России. Первоначально советская власть руководствовалась принципом революционной целесообразности, что исключало возможность немедленной кодификации уголовного законодательства. Период с 1917 по 1922 г. характеризовался фрагментарностью правового регулирования, когда отдельные декреты и постановления устанавливали ответственность за конкретные общественно опасные деяния без создания систематизированного законодательного акта [7, с. 102]. Революционное правосознание рассматривалось как основной источник права, что позволяло судебным органам самостоятельно определять преступность и наказуемость деяний исходя из интересов пролетарского государства.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. стали первым систематизированным документом, отразившим основополагающие принципы советского уголовного права. Данный акт не являлся законом в формальном смысле, представляя собой инструкцию народным судам, однако его значение для формирования советской уголовно-правовой доктрины трудно переоценить. Руководящие начала закрепили классовый подход к определению преступления, понимая под ним нарушение общественных отношений, охраняемых рабоче-крестьянской властью [10, с. 155].

В контексте организованной преступной деятельности Руководящие начала содержали положения о соучастии, хотя специальных норм об ответственности за создание преступных организаций в них не было. Тем не менее, декреты советской власти первых лет активно оперировали понятием контрреволюционной организации. Контрреволюционная деятельность рассматривалась как наиболее опасная форма посягательства на советский строй, причем организованный характер такой деятельности существенно повышал общественную опасность содеянного. Декреты о борьбе с контрреволюционными организациями носили ярко выраженную политико-идеологическую окраску, защищая в первую очередь политическую власть пролетариата.

Формирование правовых механизмов борьбы с организованными формами преступности происходило в условиях гражданской войны и разрухи, когда стабильность советской власти зависела от эффективного подавления организованного

сопротивления. Революционные трибуналы наделялись широкими полномочиями по применению репрессивных мер к лицам, участвующим в контрреволюционных заговорах и организациях. Отсутствие четких законодательных критериев организованности компенсировалось революционным правосознанием судей, которые самостоятельно оценивали степень общественной опасности коллективных преступных действий.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. ознаменовало переход от революционной целесообразности к более формализованному правовому регулированию. Кодекс заложил фундаментальные основы советского уголовного законодательства, включая систематизацию государственных преступлений. Особенная часть кодекса открывалась главой о контрреволюционных преступлениях, что подчеркивало приоритет защиты государственных интересов над охраной личности и общества. Согласно положениям кодекса, контрреволюционными признавались действия, направленные на свержение завоеваний пролетарской революции и власти рабоче-крестьянских советов [9, с. 145].

Кодекс 1922 г. содержал несколько статей, которые можно рассматривать как прообразы современных норм об организованной преступной деятельности. Статьи об участии в контрреволюционных организациях предусматривали повышенную ответственность по сравнению с индивидуальными деяниями. Организованность понималась через наличие предварительного сговора, распределение ролей и согласованность действий участников. Однако законодатель не разработал детальных признаков преступной организации, ограничившись указанием на организованный характер посягательства на основы советского строя.

Примечательно, что санкции за организацию контрреволюционных преступлений отличались исключительной суровостью, предусматривая высшую меру наказания – расстрел. Такая репрессивность объяснялась пониманием организованной контрреволюционной деятельности как наибольшей угрозы существованию советского государства. Руководители контрреволюционных организаций рассматривались как наиболее опасные враги пролетариата, заслуживающие самого сурового наказания. Практика применения данных норм показывала, что суды активно использовали квалификацию по статьям об организованной контрреволюционной деятельности, причем понятие организации толковалось достаточно широко [12, с. 727].

Принципиальное отличие советского подхода от дореволюционного заключалось в акцентировании классовой природы преступления. Если дореволюционное законодательство рассматривало заговор как объективную форму преступного поведения, то советский законодатель видел в организованной контрреволюционной деятель-

ности прежде всего классовую борьбу буржуазии против пролетариата. Субъектами таких преступлений признавались представители эксплуататорских классов, стремящиеся восстановить капиталистические отношения.

Уголовный кодекс РСФСР 1927 г. представляет собой важнейший этап в развитии советского уголовного законодательства, который недостаточно освещен в современной научной литературе применительно к проблематике организованной преступности. Данный кодекс действовал параллельно с законодательством союзного уровня и отражал изменения, произошедшие в советском обществе после завершения периода новой экономической политики. Сравнительный анализ положений кодексов 1922 и 1927 гг. позволяет выявить тенденции законодательного регулирования ответственности за организованные формы преступной деятельности [11, с. 115].

Кодекс 1927 г. сохранил базовую структуру Особенной части, выделяя в качестве первоочередных государственные преступления. Однако формулировки составов были уточнены, а система санкций претерпела определенные изменения. Понятие контрреволюционной организации получило более детальную разработку через разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, которые конкретизировали признаки организованности. Судебная практика выработала критерии отграничения организованной контрреволюционной деятельности от групповых преступлений, совершенных по предварительному сговору [4, с. 111].

Важнейшей особенностью периода действия кодекса 1927 г. стало расширение понимания контрреволюционных преступлений за счет включения в их число деяний, направленных на подрыв экономической мощи советского государства. Вредительство как форма организованной подрывной деятельности приобрело особое значение в условиях индустриализации. Законодатель рассматривал организованное вредительство как серьезную угрозу плановому хозяйству, что обусловило установление строгих санкций за участие в таких организациях.

Система советского уголовного законодательства имела двухуровневую структуру, которая непосредственно влияла на регулирование ответственности за организованные преступления. На общесоюзном уровне принимались Основы уголовного законодательства СССР, устанавливавшие фундаментальные принципы и наиболее важные институты уголовного права. Республиканское законодательство конкретизировало общесоюзные нормы применительно к условиям отдельных союзных республик. Уголовные кодексы союзных республик практически дублировали друг друга, воспроизводя положения общесоюзных Основ [5, с. 98].

Такая федеративная структура советского уголовного законодательства обеспечивала единообразие правового регулирования на всей

территории СССР при формальном сохранении законодательной компетенции республик. Применительно к нормам об организованной преступной деятельности это означало, что базовые составы контрреволюционных и государственных преступлений были идентичны во всех республиканских кодексах. Основы уголовного законодательства СССР 1924 г. заложили унифицированный подход к определению наиболее опасных государственных преступлений, включая организованные формы контрреволюционной деятельности.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. отразил качественно новый этап в развитии советского уголовного права. Принятию данного кодекса предшествовало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые определили концептуальные основы реформирования уголовного законодательства. Наиболее значимым изменением стал отказ от термина «контрреволюционные преступления» и введение понятия «особо опасные государственные преступления» [3, с. 82]. Данная терминологическая замена отражала идеологическую установку на окончательную победу социализма в СССР, когда контрреволюция как организованная сила противников советской власти была признана ликвидированной.

Несмотря на изменение терминологии, сущностное содержание норм об организованных посягательствах на государственную безопасность сохранилось. Особо опасные государственные преступления по-прежнему занимали первое место в системе Особенной части, что подчеркивало приоритет защиты государственных интересов. Кодекс 1960 г. более детально регламентировал признаки организованной преступной деятельности, направленной против государства. Появились составы, предусматривающие ответственность за организационную деятельность по подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, что свидетельствовало о смещении акцента с идеологической составляющей на организационные аспекты [6, с. 172].

Законодательные формулировки кодекса 1960 г. отличались большей юридико-технической проработанностью по сравнению с предшествующими актами. Признаки организованности получили более четкое нормативное выражение через указание на согласованность действий, распределение ролей, наличие руководства. Санкции за организацию особо опасных государственных преступлений оставались крайне суровыми, включая смертную казнь, что отражало неизменное представление законодателя об исключительной общественной опасности таких деяний.

Правоприменительная практика периода действия кодекса 1960 г. демонстрировала активное использование норм об организованной антигосу-

дарственной деятельности в политических целях. Преследование диссидентов нередко осуществлялось по статьям об антисоветской агитации и пропаганде, причем организованный характер деятельности вменялся при наличии группы единомышленников, обменивающихся запрещенной литературой. Такая практика свидетельствовала о широком толковании понятия организованности в ущерб правовой определенности [2, с. 250].

В свою очередь, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, принятый на основе Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, действовал на территории России вплоть до 1 января 1996 года, то есть уже в постсоветский период. Эта продолжительность действия Кодекса свидетельствует о его относительной стабильности и концептуальной завершенности. Однако в последние годы существования СССР в уголовное законодательство вносились изменения, отражавшие процессы либерализации и демократизации общественной жизни.

В 1991 году Верховным Советом СССР были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, которые должны были вступить в силу с 1 июля 1992 года. Однако в связи с распадом Советского Союза в декабре 1991 года эти Основы на территории РСФСР в полном объеме введены в действие не были, хотя отдельные их положения нашли применение. Основы 1991 года отражали стремление к гуманизации уголовного законодательства, расширению применения мер, не связанных с лишением свободы, и усилению гарантий прав личности в уголовном процессе.

Применительно к ответственности за организованную преступную деятельность период с 1960 по 1991 год характеризовался относительной стабильностью законодательных формулировок при изменении акцентов правоприменительной практики. Если в 1960-1970-е годы основное внимание уделялось борьбе с антисоветской деятельностью и особо опасными государственными преступлениями, то к концу советского периода возросла значимость противодействия организованной преступности в сфере экономики, особенно в условиях развития теневой экономики и появления организованных преступных группировок, контролировавших отдельные сегменты хозяйственной деятельности.

Многие положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, касающиеся организованных форм преступной деятельности, были восприняты законодателем при разработке нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В частности, сохранилась идея повышенной общественной опасности организованных преступных формирований, необходимость дифференциации ответственности в зависимости от роли лица в преступной группе, понимание организованности как устойчивой формы соучастия.

Обобщающий анализ советского периода развития нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества позволяет выявить несколько фундаментальных закономерностей. Во-первых, наблюдается постепенное движение от революционной целесообразности к более формализованному законодательному регулированию. Если в первые годы советской власти организованная преступная деятельность пресекалась на основе революционного правосознания, то последующая кодификация привела к закреплению конкретных составов преступлений с относительно определенными признаками [1, с. 556].

Во-вторых, прослеживается устойчивое доминирование политико-идеологического подхода к определению организованной преступности. Советское уголовное законодательство рассматривало организованную преступную деятельность преимущественно через призму посягательств на основы государственного и общественного строя. Общеуголовные организованные преступления не получили столь детальной законодательной регламентации, как государственные. Приоритет защиты государственных интересов над охраной личности и собственности красной нитью проходит через все советское уголовное законодательство [8, с. 38].

В-третьих, характерной особенностью советского подхода являлось понимание организованной преступности как классового явления. Субъектами организованных антигосударственных преступлений признавались представители враждебных социализму классов и социальных групп. Такая классовая детерминация существенно ограничивала возможности объективного анализа феномена организованной преступности, подменяя криминологическое исследование идеологическими штампами.

В-четвертых, советское законодательство демонстрировало постепенное усложнение юридической конструкции составов организованных преступлений. От простого указания на организованный характер деятельности законодатель переходил к детализации признаков организованности, выделению различных форм участия в преступных организациях, дифференциации ответственности в зависимости от роли лица в организации. Данная тенденция свидетельствовала о накоплении правоприменительного опыта и осознании необходимости более точного законодательного регулирования [12, с. 731].

Система санкций за организованную преступную деятельность в советский период характеризовалась исключительной суровостью. Высшая мера наказания предусматривалась по большинству составов, связанных с организацией преступлений против государства. Такая репрессивность отражала представление о том, что организованность многократно увеличивает обще-

ственную опасность деяния и требует наиболее строгого реагирования со стороны государства.

На всем протяжении советского периода, с 1917 по 1991 год, угрозы со стороны организованной преступности существовали в различных формах – от контрреволюционных организаций до организованных преступных группировок в сфере экономики. Законодатель неизменно придавал этим угрозам значение, предусматривая соответствующие нормы и усиливая ответственность за организованные формы преступной деятельности. Это свидетельствует о том, что данные нормативные предписания не являются искусственно созданными по желанию законодателя, а представляют собой социально обусловленные и необходимые меры правовой защиты общества и государства от реально существующих угроз.

Борьба с организованной преступностью, таким образом, является объективно необходимой задачей государства, что подтверждается историческим опытом советского периода. Анализ эволюции уголовного законодательства показывает, что нормы об ответственности за создание преступного сообщества формировались не произвольно, а в ответ на существующие в обществе опасности, меняя свое содержание в зависимости от трансформации социально-политической обстановки, но сохраняя неизменной свою защитную функцию.

Значение советского опыта для современного уголовного законодательства неоднозначно. С одной стороны, советское законодательство разработало ряд юридико-технических приемов конструирования составов организованных преступлений, которые были восприняты совре-

менным российским законодателем. Выделение различных форм организованной преступной деятельности, дифференциация ответственности организаторов, участников и пособников, понимание организованности как устойчивой формы соучастия – все эти элементы имеют советские корни.

С другой стороны, очевидна необходимость преодоления идеологизированного подхода к организованной преступности. Современное понимание преступного сообщества исходит из объективных признаков организованности независимо от классовой или политической принадлежности участников. Отказ от приоритета государственных интересов и переход к приоритету защиты личности потребовали переосмысления места норм об организованной преступности в системе Особенной части уголовного закона.

Историко-правовое исследование советского периода развития нормативных предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за создание преступного сообщества, демонстрирует, что данные предписания формировались под определяющим влиянием социально-политических факторов. Революционные преобразования, классовая борьба, политические репрессии, холодная война – все эти обстоятельства накладывали отпечаток на содержание и применение норм об организованной преступной деятельности. Советский опыт показывает, что излишняя идеологизация уголовного законодательства ведет к его использованию в качестве инструмента политической борьбы в ущерб задачам действительной охраны правопорядка от общественно опасных посягательств.

Список литературы:

[1] Васин Ю.Г., Максимов С.В. Концепт инновационной модели противодействия организованной преступности: предпосылки и возможности // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 4. С. 553-569.

[2] Жукова С.С., Намнясева В.В. Особенности уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // *Всероссийский криминологический журнал*. 2022. Т. 16. № 2. С. 248-256.

[3] Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // *Журнал российского права*. 2020. № 9. С. 80-90.

[4] Козловская М.Г. Преступное сообщество: криминологический подход // *Правоприменение*. 2020. Т. 4. № 2. С. 109-116.

[5] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. 352 с.

[6] Леденев В.В. Социальный капитал организованной преступности // *Экономическая социология*. 2023. Т. 24. № 2. С. 168-180.

[7] Михайлов В.И. УК РСФСР 1922 г.: вопросы разработки и характеристика теоретической основы и институтов Общей части // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 5. С. 100-115.

[8] Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 3. С. 34-55.

[9] Николаева Ю.В. Государственные преступления в системе Особенной части Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации // *Государство и право*. 2023. № 1. С. 142-152.

[10] Чучаев А.И. Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика // *Государство и право*. 2022. № 6. С. 152-167.

[11] Шевелева С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // *Жур-*

нал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 106-123.

[12] Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 723-734.

References:

[1] Vasin Yu.G., Maksimov S.V. The Concept of an Innovative Model for Combating Organized Crime: Prerequisites and Possibilities // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 4. pp. 553-569.

[2] Zhukova S.S., Namnyaseva V.V. Features of Criminal Liability for Occupying a High Position in a Criminal Hierarchy // All-Russian Criminological Journal. 2022. Vol. 16. No. 2. pp. 248-256.

[3] Kapinus O.S. Signs of a Criminal Community (Criminal Organization) in the Context of the New Note to Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 80-90.

[4] Kozlovskaya M.G. Criminal Community: A Criminological Approach // Law Enforcement. 2020. Vol. 4. No. 2. pp. 109-116.

[5] Korobyev A.I. Criminal Law Policy of Russia: From Genesis to Crisis. Moscow, 2019. 352 p.

[6] Ledenev V.V. Social Capital of Organized Crime // Economic Sociology. 2023. Vol. 24. No. 2. pp. 168-180.

[7] Mikhailov V.I. The Criminal Code of the RSFSR of 1922: Issues of Development and Characteristics of the Theoretical Basis and Institutions of the General Part // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 5. pp. 100-115.


[8] Naumov A.V. Vector of Modern Directions of the Domestic Criminal Law Doctrine // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. No. 3. pp. 34-55.

[9] Nikolaeva Yu.V. State Crimes in the System of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation // State and Law. 2023. No. 1. pp. 142-152.

[10] Chuchaev A.I. The First Soviet Criminal Code: Conceptual Foundations and General Characteristics // State and Law. 2022. No. 6. pp. 152-167.

[11] Sheveleva S.V. Transformation of Criminal Legislation at the Current Stage // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 3. pp. 106-123.

[12] Yakusheva T.V. Counteracting criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal environment: destructive trends, search for new legislative solutions // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 5. P. 723-734.



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-32-37

КОБЛИКОВ Александр Васильевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «НГУЭУ (НИНХ)»,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗНАЧЕНИЕ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Статья исследует соотношение экономической и предпринимательской деятельности в контексте судебной защиты прав субъектов. Анализируются проблемы отсутствия законодательного определения экономической деятельности, коллизии в правоприменении и риски для правовой определенности. Рассмотрены доктринальные подходы, судебная практика и влияние цифровизации экономики на разграничение понятий. Автор подчеркивает необходимость законодательного закрепления критериев для минимизации правовых пробелов, обеспечения единообразия судебных решений и защиты участников экономических отношений.

Ключевые слова: экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, судебная защита, правовые коллизии, правовая определенность.

KOBLIKOV Aleksandr Vasilievich,
2 year Master's student, Faculty of Law,
FSBEI of HE «NSUEM (NINH)»
Novosibirsk, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN ECONOMIC AND ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES: IT'S IMPORTANCE WITHIN THE FRAMEWORK OF JUDICIAL PROTECTION

Annotation. The article examines the relationship between economic and entrepreneurial activities in the context of judicial protection of rights. It analyzes the lack of legislative definitions, legal conflicts in enforcement, and risks to legal certainty. Doctrinal approaches, judicial practice, and the impact of digitalization on distinguishing concepts are explored. The author emphasizes the need for legislative criteria to minimize gaps, ensure uniform court decisions, and protect participants in economic relations.

Key words: economic activity, entrepreneurial activity, judicial protection, legal conflicts, legal certainty.

В настоящее время, проводя наблюдение за рыночными отношениями и экономическими системами, можно заметить факты, свидетельствующие об их динамичном и нелинейном развитии, в рамках которого вопрос разграничения экономической и предпринимательской деятельности приобретает ключевое значение для обеспечения правовой определенности и осуществления эффективной судебной защиты.

Особенно остро актуальность рассматриваемой темы выражается растущим числом коллизий, возникающих на стыке этих понятий, особенно в контексте цифровизации экономики,

появления новых бизнес-моделей и ужесточения глобальной конкурентной среды. Однако для преодоления подобных неблагоприятных результатов процессов развития необходимо не просто бездумно конструировать новые правовые нормы или учинять повсеместные запреты и ограничения, а прежде всего, четко определить содержание интересующего явления или процесса.

Так, видится правильным начать с определения понятия «Экономическая деятельность», в отношении которого, как и многих иных экономико-правовых категорий по сей день доктринальные позиции не оформились в единое мнение, а

законодатель не привел его легального определения. В связи с чем, необходимо определить, что же экономика в целом представляет собой для российского государства, а наиболее полно подобные вопросы раскрываются в конституционно-правовых нормах.

Конституция Российской Федерации в ст. 8 закрепляет принцип свободы экономической деятельности, а именно гарантирует «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности» [1].

Данный принцип находит свое продолжение и в последующей – 34 ст. Конституции РФ, которая наделяет каждого правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также запрещает любые действия, направленные на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Таким образом, экономика в целом и экономическая деятельность как ее часть, ввиду наличия конституционно-правового регулирования, может вполне обоснованно признаваться одним из важнейших аспектов общественной жизни в Российской Федерации. Но в таком случае возникает вопрос: «Почему настолько важный институт до сих пор не находит своего законодательного определения?».

В ответ на данный вопрос, исходя из анализа названных правовых норм, можно предположить, что связано это непосредственно со сложностью рассматриваемого явления, а также с осознанием того, что чрезмерно строгое или недостаточно четкое определение экономической деятельности в законодательстве может привести к непоправимым последствиям, выраженным в правовых пробелах, непреодолимых коллизиях, нарушениях нормального функционирования экономической системы и осуществления гражданского оборота.

В связи с этим, на данном этапе развития нашего государства, экономическая деятельность находит свое отражение лишь в подзаконном регулировании, а именно в Методических рекомендациях по вопросам реализации Правил определения кодов по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности отчетного типа и процентных долей основного вида экономической деятельности и дополнительных видов экономической деятельности (при наличии), утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 728, на основе данных по формам федерального статистического наблюдения (Далее – Рекомендации).

В данном случае, абз. 13 п. 1 названных Рекомендаций закрепляет, что «экономическая деятельность имеет место тогда, когда для производства конкретных товаров и услуг происходит

объединение таких ресурсов, как материальные средства, труд, технологии производства или промежуточные товары» [2]. Однако в примечании к данному акту, указывается, что эта трактовка может быть использована только в целях, предусмотренных Указаниями, что делает невозможным ее распространение на отношения, несвязанные с определением основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов по ОКВЭД.

Доктринальные позиции, как было указано ранее, также не отличаются своим единством в понимании экономической деятельности. К примеру, Н. Е. Савенко, проведя этимологический и доктринальный анализы категорий «экономика» и «деятельность», определяет ее как «процесс активных, волевых, целенаправленных, рациональных и разумных действий индивидов в различных сферах общественных отношений по поводу производства, распределения (реализации), обмена и потребления материальных и духовных благ (объектов гражданских прав) для удовлетворения потребностей человека и общества» [3, с. 131].

В свою очередь, И.И. Шувалов под экономической деятельностью предлагает понимать «совершение субъектом права юридических действий на различных уровнях хозяйствования, направленных на производство, распределение, обмен и потребление благ посредством использования своих или привлеченных способностей и имущества в целях удовлетворения своих (или третьих лиц) материальных и духовных потребностей» [4, с. 61].

Таким образом, представляется возможным определить экономическую деятельность как совокупность активных, осознанных, волевых действий субъектов, находящихся на различных уровнях хозяйствования, направленную на удовлетворение своих (и (или) третьих лиц, общества) потребностей, путем производства, распределения, обмена и потребления благ на основе своих или привлеченных способностей, средств производства и имущества.

Иным образом обстоит ситуация с определением понятия «Предпринимательская деятельность», поскольку законодатель закрепил его в абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Исходя из этого, предпринимательская деятельность представляет собой «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [5]. Также в качестве одного из признаков данной деятельности указывается на обязательную регистрацию лиц, осуществляющих ее в установленном законом порядке.

В результате проведения анализа приведенного определения Т.А. Скворцова и В.А. Сорокин сделали вывод, что, исходя из него, можно выделить «ряд признаков, а именно:

- 1) самостоятельный характер данной деятельности;
- 2) осуществление ее на свой риск;
- 3) систематичность получения прибыли;
- 4) извлечение дохода от определенной деятельности: продажи товаров, оказания услуг, выполнения работ, получения доходов от использования имущества и объектов интеллектуальной собственности предпринимателя;

5) государственная регистрация осуществляющего ее лица, если иное не установлено законом» [6, с. 88].

Касательно же экономической деятельности, В.В. Долинская считает возможным выделить следующие признаки, «характеризующие экономическую деятельность»:

- 1) это именно деятельность, поскольку речь идет о совокупности совершаемых действиях;
- 2) это осознанная, волевая, целенаправленная деятельность, т. е. в данном случае с позиции гражданского права и теории государства и права можно говорить только о юридических актах, а не о юридических поступках;
- 3) содержание экономической деятельности связано с формулой «производство – распределение – обмен – потребление»;
- 4) цель осуществления экономической деятельности заключается в удовлетворении материальных и духовных потребностей;
- 5) промежуточный результат осуществления экономической деятельности состоит в создании или изменении объектов права, поскольку каждый объект гражданских правоотношений призван удовлетворять какие-либо потребности субъектов» [7, с. 10].

Принимая во внимание указанные признаки предпринимательской и экономической деятельности, а также учитывая, что законодатель зачастую применяет формулировку «предпринимательская или иная экономическая деятельность», например, ч. 1 ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации также содержит данную формулировку определяя споры, подлежащие рассмотрению арбитражными судами [8], возможным представляется утверждать, что предпринимательская деятельность является разновидностью экономической деятельности.

Во-первых, данный вывод строится на различии целей осуществления данных видов деятельности, поскольку экономическая деятельность не имеет единственной целью своего осуществления извлечение прибыли.

Во-вторых, немаловажным является их субъектный состав. Предпринимательская деятельность в отличие от экономической может осуществляться лишь теми лицами, которые были зарегистрированы в установленном законом порядке, к примеру, в качестве индивидуального предпринимателя, когда субъектом экономической деятельности, исходя из ее признаков, может быть и потребитель.

В-третьих, находят некоторое отличие способы их осуществления. Если предпринимательская деятельность, согласно легальному определению, ограничивается пользованием имуществом, продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг, то осуществление экономической деятельности должно выражаться в производстве, распределении, обмене или потреблении благ.

В-четвертых, предпринимательская деятельность по своей сущности должна обладать признаком рискованности, коим экономической деятельности наличествовать необязательно.

В силу всех вышеперечисленных различий, можно обоснованно говорить о наличии некоторых проблем в отсутствие не только легального определения, но и даже четких признаков, позволяющих отграничивать экономическую деятельность от предпринимательской или иной деятельности.

Например, особой социальной важностью обладают проблемы, связанные с квалификацией действий субъектов экономической деятельности в качестве уголовно-наказуемых деяний, в частности, как незаконного осуществления предпринимательской деятельности. В условиях динамичного развития экономической среды, а также отсутствия критериев отграничения экономической деятельности от предпринимательской, данные вопросы, помимо усложнения производства по уголовным делам о совершении преступлений в экономической сфере, могли бы повлечь череду фактов незаконного привлечения к уголовной ответственности, подозрения или обвинения в совершении преступления, а также нарушения прав и свобод личности ввиду избрания мер пресечения или же применения иных мер уголовно-процессуального принуждения.

Полагается, что в этой связи Пленумом Верховного суда Российской Федерации были даны многочисленные разъяснения, касающиеся осуществления производства по указанным делам, а также были внесены поправки в уголовно-процессуальное законодательство, в части запрета применения меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательства.

Касательно судебной защиты прав и законных интересов субъектов экономической деятельности, является далеко немаловажным вопросом определения сущности экономической деятельности, а также ее разграничения с предпринимательской деятельностью.

Так, невозможно не согласиться с мнением Т.А. Скворцовой и В.А. Сорокина, которые небезосновательно полагают, что отсутствие закрепления понятия экономической деятельности «затрудняет определение подведомственности спора, поскольку любая деятельность субъектов гражданского оборота имеет экономическую основу. При этом понятие «иная экономическая де-

тельность» не имеет точного определения и носит субъективный, оценочный характер» [6, с. 88].

Такой же точки зрения придерживается и Е.В. Лебедева, приводящая в пример два подхода судов по определению подлинного смысла экономической деятельности:

- в одном случае суды отмечают, что экономическая деятельность представляет собой совокупность систематически совершаемых действий, направленных на достижение определенного экономического и общественно полезного результата и не имеющих единственной целью извлечение прибыли;

- в другом случае, раскрывая термин «иная экономическая деятельность», суд пришел к выводу о том, что под такой деятельностью применительно к определению подведомственности спора, связанного с ее осуществлением, арбитражному суду также следует понимать деятельность, основной целью которой является систематическое получение прибыли (выгоды) [9, с. 44].

Также, к примеру, Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 28 мая 2021 года по делу № А56-11192/2021, рассматривая кассационную жалобу на определение нижестоящего арбитражного суда о возвращении искового заявления об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности, в связи с неподсудностью, пришел к выводу, что определение основано на законе и обоснованно. В данном случае суд исходил из критериев субъектного состава участников спора и характера спора, возникшего из правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности [10].

Данный пример лишь подчеркивает неоднородность правоприменительной практики в части используемых критериев определения экономической деятельности и ее отграничения от предпринимательской.

Помимо прочего, обсуждая данный вопрос, видится возможным отметить вероятность некоего введения в заблуждение обывателей, являющихся потребителями, а соответственно и субъектами экономической деятельности, защита прав которых согласно ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите прав потребителей» осуществляется судом [11].

Несмотря на то, что они являются субъектами экономической деятельности, а спор имеет под собой экономическую основу, что в теории, согласно ст. 27 АПК РФ говорит об отнесении его к компетенции арбитражного суда, данный спор напротив будет рассматриваться судом общей юрисдикции.

Связано это с тем, что по общему правилу, в соответствии с п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», дела по искам, связанным с

нарушением прав потребителей подведомственны судам общей юрисдикции.

При этом в п. 17 указанного Постановления разъясняется, что гражданин-индивидуальный предприниматель, вправе обратиться в суд общей юрисдикции за защитой по сделкам, заключенным им с продавцом при продаже товаров исключительно для личных, семейных, домашних, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением им предпринимательской деятельности [12].

То есть, в данном случае толкователь проводит разграничение экономической и предпринимательской деятельности на основании признака «профессионализма» ее осуществления, отличая нарушение прав потребителя-индивидуального предпринимателя, связанное с его осуществлением профессиональной деятельности от нарушения прав того же субъекта, но несвязанное с осуществлением такой деятельности.

К слову, перечисленные проблемы могут затронуть и таких субъектов, как самозанятые граждане, которые в большинстве своем представляют класс так называемых «сверхмалых форм бизнеса». Так, по мнению А. С. Сакевич: «Самозанятость стала возможностью «уйти в тень» опытным предпринимателям. И если предприниматель не имел сотрудников и других ограничений, то переход к самозанятости станет для него значительным снижением налогового бремени. Происходит существенная налоговая оптимизация» [13, с. 93].

Так, Второй арбитражный апелляционный суд в постановлении от 26 июля 2021 года по делу № А29-6250/2021, при определении вопроса подведомственности спора, учитывая доводы заявителя о том, что он, являясь самозанятым, занимается предпринимательской деятельностью, пришел к выводу о том, что «законодатель не отождествляет понятия «самозанятости» и «предпринимательской» деятельности, что исключает возможность рассмотрения споров в арбитражном суде с участием самозанятых граждан в отсутствие статуса индивидуального предпринимателя» [14].

Таким образом, представляется возможным резюмировать, что отсутствие легального определения понятия «экономическая деятельность» или же законодательно установленных критериев отнесения к ней той или иной деятельности, порождает некоторые проблемы и неопределенности, которые в том числе, затрагивают вопросы судебной защиты субъектов как экономической, так и предпринимательской деятельности. Данный факт дает основания предлагать разработку подобных конструкций, что сделало бы возможным обеспечение правовой определенности и единообразия правоприменительной практики в данной сфере, а также исключило бы вероятность возникновения указанных проблемных вопросов.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
- [2] Приказ Росстата от 17.03.2026 № 108 «Об утверждении Методических рекомендаций по вопросам реализации Правил определения кодов по ОКВЭД отчетного типа и процентных долей основного вида экономической деятельности и дополнительных видов экономической деятельности (при наличии)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_529796/ (дата обращения: 02.04.2026).
- [3] Савенко Н. Е. Экономическая деятельность: понятие, сущность и признаки в контексте права и экономики // Власть Закона. — 2022. — № 4(52). — С. 124-139.
- [4] Шувалов И. И. Понятие экономической деятельности в современном праве России // Lex Russica. — 2020. — №6 (163). — С. 61-67.
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. — 1994. — № 238–239.
- [6] Скворцова Т. А. К вопросу о понятии предпринимательской деятельности и о ее соотношении с иными видами экономической деятельности // Сбор. Избр. статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»: Мат-лы Всероссийских (национальных) науч. Конфер. — СПб.: ЧНОУДПО ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2021. — С. 87-89.
- [7] Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 3. — С. 3–14.
- [8] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — ст. 3012.
- [9] Лебедева Е. В. Некоторые особенности соотношения экономической и предпринимательской деятельности (взгляд законодателя и правоприменителя) // Администратор суда. — 2023. — №2. — С. 43–46.
- [10] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 мая 2021 г. по делу № А56-11192/2021. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/hUsIFoq2ruUY/> (дата обращения: 02.04.2026).
- [11] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 3. — ст. 140.
- [12] О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Пост. Пленума ВС РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. — 2012 — № 156.
- [13] Сакевич А. С. Проблемы правового статуса индивидуального предпринимателя: соотношение с samozанятостью // Социально-правовые преобразования в современной России: Сбор. Науч. трудов Всероссийской студенческой научно-исследовательской конфер. — Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2022. — С. 91-95.
- [14] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26 июля 2021 г. по делу № А29-6250/2021. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/BMEdg7ltsl6v/> (дата обращения: 02.04.2026).

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. - No. 144.
- [2] Order of Rosstat dated 17.03.2026 No. 108 «On approval of the Methodological Recommendations on the implementation of the Rules for determining OKVED codes of the reporting type and percentage shares of the main type of economic activity and additional types of economic activity (if any)» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_529796/ (date accessed: 02.04.2026).
- [3] Savenko N. E. Economic activity: concept, essence and characteristics in the context of law and economics // Power of Law. — 2022. — No. 4(52). — P. 124-139.
- [4] Shuvalov I. I. The Concept of Economic Activity in Modern Russian Law // Lex Russica. — 2020. — No. 6 (163). — P. 61-67.
- [5] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 25.03.2026) (as amended and supplemented, entered into force on 01.08.2025) // Rossiyskaya Gazeta. — 1994. — No. 238–239.

[6] Skvortsova T. A. On the concept of entrepreneurial activity and its relationship with other types of economic activity // Collection. Selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute «NatSrazvitie»: Proceedings of the All-Russian (national) scientific. Conf. - St. Petersburg: ChNOUDPO State Research Institute «NATSRZAVITIE», 2021. - Pp. 87-89.

[7] Dolinskaya V. V. Economic activity and its types // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2018. - No. 3. - Pp. 3-14.

[8] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Feder. Law of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 30. — Art. 3012.

[9] Lebedeva E. V. Some Features of the Relationship between Economic and Entrepreneurial Activities (the View of the Legislator and Law Enforcement Officer) // Court Administrator. — 2023. — No. 2. — Pp. 43–46.


[10] Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District of May 28, 2021 in Case No. A56-11192/2021. // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/hUsIFoq2ruUY/> (date accessed: 02.04.2026).

[11] On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 28.12.2025, as amended on 17.02.2026) (as amended and supplemented, entered into force on 01.04.2026) // Coll. legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 3. - Art. 140.

[12] On the consideration by courts of civil cases on disputes over the protection of consumer rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 17 // Rossiyskaya Gazeta. — 2012 — No. 156.

[13] Sakevich A. S. Problems of the legal status of an individual entrepreneur: relationship with self-employment // Social and legal transformations in modern Russia: Collection. Scientific. works of the All-Russian student research conference. — Rostov-on-Don: IP Bespamyatnov S.V., 2022. — Pp. 91-95.

[14] Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated July 26, 2021 in case No. A29-6250/2021. // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/BMEdg7ltsI6v/> (date of access: 02.04.2026).



ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-38-42

ГОНЧАРОВА Алина Сергеевна,

магистрант,

Московский университет имени С.Ю. Витте,

г. Москва, Россия,

e-mail: q-alina-q@yandex.ru

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье анализируются доктринальные и прикладные вопросы, связанные с включением публичного собственника в корпоративные правоотношения. Рассмотрена юридическая природа данного феномена, выделены обстоятельства, порождающие у государства корпоративные права, а также охарактеризованы прямой и опосредованный форматы присутствия публичной власти в хозяйственных обществах. Ключевое внимание сосредоточено на проблематике управления компаниями с государственной долей: констатируется отсутствие единого кодифицированного акта, фиксируется двойственность статуса государственных представителей в органах управления, раскрывается специфика конфликта интересов и низкая эффективность управленческих решений. Представлены доводы сторонников и противников сохранения государственного элемента в корпоративных связях, обобщён зарубежный опыт распоряжения государственными пакетами акций (на примере стран ОЭСР, Сингапура, Швеции, Франции и Великобритании). Сформулированы направления по корректировке российского законодательства и совершенствованию практики распоряжения публичными активами.

Ключевые слова: государство, корпорация, правоотношения, управление, акции, эффективность.

GONCHAROVA Alina Sergeevna,

Graduate Student,

Moscow S.U. Witte University,

Moscow, Russia

GOVERNMENT INVOLVEMENT IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

Annotation. This paper examines doctrinal and applied issues associated with the inclusion of a public owner in corporate legal relations. The legal nature of this phenomenon is analyzed, the circumstances giving rise to the state's corporate rights are identified, and both direct and indirect forms of public presence in business entities are characterized. Special attention is paid to the problems of managing companies with state ownership: the absence of a unified codified act is noted, the dual status of state representatives in governing bodies is recorded, the specific nature of the conflict of interest is revealed, and the low efficiency of management decisions is demonstrated. The arguments of supporters and opponents of maintaining the state element in corporate relations are presented, and foreign experience in managing state shareholdings is summarized (using the examples of OECD countries, Singapore, Sweden, France, and the United Kingdom). Directions for amending Russian legislation and improving the practice of managing public assets are formulated.

Key words: state, corporation, legal, relations, management, shares, efficiency.

В науке гражданского права до сих пор не утихают споры относительно того, насколько оправдано включение публично-правовых образований в корпоративные связи. Традиционная доктрина наделяет государство верховенством и властными полномочиями, что ставит его над ря-

довыми субъектами оборота. Однако, как только речь заходит об участии в корпорациях, суверен оказывается вынужден добровольно ограничивать себя и следовать единым для всех правилам. Данное обстоятельство порождает глубокие теоретические коллизии и практические затруднения.

Важность изучения заявленной темы продиктована не только научным интересом, но и реальной экономической необходимостью: публичный собственник присутствует в тысячах хозяйственных обществ, а успешность этой деятельности определяет динамику развития всего народного хозяйства [1].

Понятие и правовая природа государственного участия в корпорациях

Нормы действующего Гражданского кодекса (статья 2) закрепляют, что сферу гражданско-правового регулирования образуют, в частности, отношения корпоративного характера, то есть возникающие в связи с участием в организациях данного типа или руководством их деятельностью. В.Л. Слесарев и В.Д. Кравец обращают внимание на важную особенность приведенной формулировки: из нее не следует обязательного одновременного наличия двух элементов – членства и управления. Закон допускает варианты, при которых управленческие функции реализуются сторонними лицами, не входящими в состав участников, и, напротив, сами члены корпорации могут быть отстранены от рычагов власти [6].

Публичное образование в данных правоотношениях занимает обособленное место. В соответствии со статьями 124 – 125 ГК РФ, Российская Федерация, её регионы и муниципалитеты действуют на равных началах с обычными гражданами и компаниями, но делают это опосредованно – через специально уполномоченные органы. Как верно подмечено в литературе, ключевая отличительная черта государства как корпоративного участника кроется в множественности представляющих его субъектов: федеральный центр, региональные власти и местное самоуправление реализуют свои полномочия каждый через собственный аппарат чиновников [2]. Ведущим органом, через который реализуются права акционера, выступает Росимущество.

Отношения, складывающиеся между публичным собственником и учрежденными им юридическими лицами, трактуются в науке далеко не единообразно. А.А. Дунаев указывает на существующий в ГК РФ законодательный пробел: к корпоративным отнесены лишь связи внутри корпораций, тогда как управленческий аспект взаимодействия с унитарными предприятиями и учреждениями остался за рамками правового поля. Однако такие полномочия учредителя, как согласование устава, назначение директора или изъятие части прибыли, носят именно управленческий, а не вещно-правовой характер. Сходную позицию занимает В.А. Изварин, настаивающий на распространении корпоративных начал на отношения государства с подведомственными структурами [1].

Основания и формы государственного присутствия в корпоративных связях

Вхождение государства в корпоративные отношения никогда не бывает хаотичным или слу-

чайным – для этого всегда есть юридически значимые предпосылки. А.Е. Толстова систематизирует данные предпосылки в несколько самостоятельных блоков. К первому относится сохранение доли (пакета акций) за публичным образованием в ходе приватизации государственного имущества. Второй блок связан с институтом наследования выморочного имущества, когда после смерти акционера его права переходят к государству как к наследнику по закону. Третий случай – предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, в обмен на которые публичный субъект приобретает долю в уставном капитале [9].

По способу реализации принято различать два формата участия. Прямой означает непосредственное владение государством активами (акциями, долями) хозяйственного общества. Косвенный же подразумевает, что голосование и иные права акционера осуществляются через юридические лица, подконтрольные государству – корпорации, компании или предприятия. Отдельного упоминания заслуживает «золотая акция» – уникальный правовой инструмент, дающий Российской Федерации право вето по ключевым вопросам управления, вне зависимости от того, какой долей капитала она реально располагает [2; 4].

Х.С. Киргуев и Л.Т. Кокоева настаивают на том, что участие государства в корпоративных правоотношениях – это не прихоть, а объективное требование времени. Выполнение публично-правовым образованием его социальных и экономических функций невозможно без сохранения контроля над стратегическими секторами. Оборонка, топливно-энергетический комплекс, магистральный транспорт – здесь отсутствие государства привело бы к угрозам национальной безопасности и подрыву устойчивости хозяйственной системы [3].

Ключевые проблемы управления в компаниях с долей государства

Наиболее острые вопросы концентрируются именно в сфере управления организациями, контролируемые публичным собственником. Н.Г. Гаджиев, С.А. Коноваленко и М.Н. Трофимов фиксируют целый комплекс экономико-правовых противоречий, среди которых главным называют отсутствие единого системообразующего закона, регулирующего управление государственной собственностью. На сегодня правовую базу образуют разрозненные и зачастую конфликтующие между собой подзаконные акты, принимаемые различными федеральными органами [3]. К аналогичному выводу приходит Л.В. Коваленко, констатируя фрагментарность нормативного регулирования и необходимость принятия кодифицированного акта, охватывающего всю проблематику государственного участия [5].

Правовое положение представителей публичного собственника в советах директоров и ревизионных комиссиях вызывает серьезную озабо-

ченность. Как показывает анализ И.И. Шагова, статус этих лиц внутренне противоречив: они обязаны действовать добросовестно и исключительно в интересах самого общества, однако их воля фактически предопределяется заданиями и директивами, спускаемыми из профильных ведомств. Такое двоемирие порождает острую проблему ответственности – формально отвечать за неправомочные решения должен представитель, но реально они принимались вышестоящим звеном управления [4].

И.П. Морозов выделяет еще один существенный аспект. Осуществляя правомочия акционера, публичное образование одновременно выступает регулятором рынка и арбитром в экономических спорах. Возникающий отсюда конфликт интересов носит специфический характер, не сводимый к классическим разногласиям между частными совладельцами [5; 6]. Такая двойственность позволяет государству добиваться преимуществ перед конкурентами из частного сектора или, наоборот, возлагать на подконтрольные компании социальные функции, заведомо убыточные с экономической точки зрения.

В.С. Тюрин фокусируется на проблеме низкой результативности публичного управления. Размытые критерии оценки работы представителей государства, чисто формальный контроль со стороны уполномоченных структур, отсутствие у чиновников стимулов к росту рыночной капитализации – всё это ведет к одному итогу: компании с государственным участием систематически показывают более слабые экономические результаты по сравнению с частным бизнесом [10].

Дискуссионные вопросы и доводы за и против присутствия государства

Оправданность внедрения публичного элемента в корпоративную ткань оценивается исследователями далеко не однозначно. В.А. Изварин представляет сбалансированный анализ позиций каждой из сторон. Сторонники апеллируют к необходимости консолидации ресурсов при реализации наукоемких и капиталоемких проектов, сохранению научно-технического задела в оборонной промышленности, а также к способности государства легче привлекать крупные кредиты и инвестиции. Противники же парируют ссылками на неизбежное удорожание продукции госпредприятий, высокие коррупционные издержки, закрытость трудовых отношений и низкое качество принимаемых решений [2].

На международной арене полемика о роли государства в корпоративном секторе разворачивается с не меньшей интенсивностью. М.П. Сутковой и А.Ю. Малышко провели обобщение практик стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития. Оказывается, практически все развитые экономики сохраняют присутствие государства в ряде стратегических отраслей: гидроэнергетика, добыча полезных ис-

копаемых, связь, транспорт и финансовые услуги [8]. Сингапур создал специализированный холдинг Temasek, управляющий госпакетами акций исключительно на коммерческих принципах; более половины мест в советах директоров дочерних обществ занимают независимые директора, а значительная часть портфеля размещена за рубежом. Италия консолидировала свои активы в холдинге IRI, Австрия – в OIAG [7].

Особенно показателен опыт Швеции, где правительство поставило перед управляющими предельно ясную цель — максимизация стоимости для собственника. Во Франции аналогичные задачи решает Агентство государственной собственности, последовательно отстаивающее интересы казны. Британская модель (Shareholder Executive) ориентирует госкомпании на получение устойчивого положительного финансового результата при соблюдении заданных регуляторных и политических параметров [8]. Исследователи единодушны: российской системе управления принадлежащими публичному образованию пакетами акций остро необходима такая же рационализация и четкая постановка целей [10].

И.И. Санжаревский предлагает рассматривать участие государства в корпоративных отношениях в расширительном ключе – как составную часть политики государственно-частного партнерства. По его глубокому убеждению, институционализация корпоративных связей в системе российского публичного управления далека от завершения. Помимо чисто законодательных новаций, требуется глубокая смена управленческой парадигмы, предполагающая отказ от жесткого администрирования в пользу современных рыночных механизмов [7].

Заключение

Таким образом, участие государства в корпоративных правоотношениях – это объективная реальность, от которой невозможно отказаться в обозримом будущем. Однако те формы, которые сегодня принимает это участие, глубина вмешательства в текущую деятельность компаний, а также механизмы назначения и контроля госпредставителей нуждаются в серьезной корректировке.

Изученная литература позволяет выделить несколько первоочередных направлений такой корректировки: разработка и принятие единого кодифицированного акта, регулирующего порядок управления государственными долями и пакетами акций; введение обязательных квалификационных требований и процедуры аттестации для представителей государства (по аналогии с оценщиками или аудиторами); законодательное закрепление порядка разграничения ответственности между самим представителем и направившим его органом; внедрение системы ключевых показателей эффективности деятельности госпредставителей. И только комплексное, взаимосвязанное реше-

ние перечисленных проблем позволит раскрыть потенциал института государственного участия, превратив публичного собственника из обремененного конфликтами акционера в эффективного хозяина, действительно заинтересованного в экономическом росте страны.

Список литературы:

- [1] Изварин В. А. Участие государства в корпоративном управлении // Вестник магистратуры. 2021. №9-2 (120). С. 93-95.
- [2] Изварин В. А. Целесообразность участия государства в корпоративных отношениях на национальном и международном уровнях // Вестник магистратуры. 2021. №9-2 (120). С. 90-92.
- [3] Киргуев Х. С. Необходимость участия государства в корпоративных правоотношениях / Х. С. Киргуев, Л. Т. Кокоева // Актуальные проблемы права : Сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования РФ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет)». Том Выпуск 10. Владикавказ : Издательство «Терек», Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. С. 131-135.
- [4] Коваленко Л. В. Государство как участник корпоративных правоотношений / Л. В. Коваленко // Правовая культура: эпоха вызовов и перемен : Сборник научных трудов по материалам научной конференции, Ростов-на-Дону, 17 июня 2022 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону, 2022. С. 150-156.
- [5] Морозов И. П. К вопросу об участии государства в корпоративных правоотношениях / И. П. Морозов // Актуальные вопросы и перспективы развития Российской экономики, политики и права : Сборник статей V всероссийской конференции, Москва, 25 ноября 2024 года. Москва: АНО «Содействие», 2024. С. 219-221.
- [6] Морозов И. П. Особенности и проблемы участия государства в корпоративных правоотношениях / И. П. Морозов // Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Покров, 19 декабря 2024 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2025. С. 545-548.
- [7] Санжаревский И.И. Политика государственно-частного партнерства и институализация корпоративных отношений в государственном управлении современной России // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2026. №1. С. 68-78.
- [8] Сутковой М.П., Малышко А.Ю. Международный опыт участия государства в корпоративных правоотношениях // Цифровое право. 2026. №1.
- [9] Толстова, А. Е. Основания возникновения у государства прав участия в корпорациях / А. Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2(63). С. 79-85.
- [10] Тюрин В. С. Участие государства в корпоративных правоотношениях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №9-5 (96). С. 242-245.

References:

- [1] Izvarin V. A. State Participation in Corporate Governance // Magistracy Bulletin. 2021. No. 9-2 (120). P. 93-95.
- [2] Izvarin V. A. Expediency of State Participation in Corporate Relations at the National and International Levels // Magistracy Bulletin. 2021. No. 9-2 (120). P. 90-92.
- [3] Kirguyev Kh. S. The Need for State Participation in Corporate Legal Relations / Kh. S. Kirguyev, L. T. Kokoeva // Actual Problems of Law: Collection of Scientific Articles / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)». Volume Issue 10. Vladikavkaz: Terek Publishing House, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), 2021. Pp. 131-135.
- [4] Kovalenko L. V. The State as a Participant in Corporate Legal Relations / L. V. Kovalenko // Legal Culture: an Era of Challenges and Changes: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of a Scientific Conference, Rostov-on-Don, June 17, 2022. – Rostov-on-Don: Rostov Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)» in Rostov-on-Don, 2022. Pp. 150-156.
- [5] Morozov I. P. On the Issue of State Participation in Corporate Legal Relations / I. P. Morozov // Current Issues and Prospects for the Development of the Russian Economy, Politics and Law: Collection of Articles from the V All-Russian Conference, Moscow, November 25, 2024. Moscow: ANO «Sodeistvie», 2024.

pp. 219-221.

[6] Morozov I. P. *Features and Problems of State Participation in Corporate Legal Relations* / I. P. Morozov // *Problems and Prospects for the Development of Socio-Economic and Humanitarian Sciences: Pedagogy, Psychology, Economics, Jurisprudence: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Pokrov, December 19, 2024. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2025. pp. 545-548.*

[7] Sanzharevsky I. I. *Public-Private Partnership Policy and the Institutionalization of Corporate Relations in Public Administration of Modern Russia* // *Izvestiya. Saratov. University Nov. Series. Series. Sociology. Political Science. 2026. No. 1. Pp. 68-78.*

[8] Sutkovoy M.P., Malyshko A.Yu. *International experience of state participation in corporate legal relations* // *Digital law. 2026. No. 1.*

[9] Tolstova, A.E. *Grounds for the emergence of state rights to participate in corporations* / A.E. Tolstova // *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2024. No. 2 (63). Pp. 79-85.*

[10] Tyurin V.S. *State participation in corporate legal relations* // *International journal of humanitarian and natural sciences. 2024. No. 9-5 (96). Pp. 242-245.*



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-43-45

АХМЕТШИНА А.В.,

магистр юридического факультета

Казанского (приволжского) федерального университета,

e-mail: adelyaziatdinowa@yandex.ru

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется принцип свободы договора как одно из основополагающих начал гражданского права применительно к деятельности торговых сетей. Автор анализирует содержание данного принципа, закрепленного в ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также раскрывает его основные элементы: свободу заключения договора, выбора контрагента, определения условий и вида договора. Особое внимание уделяется специфике реализации свободы договора в отношениях между торговыми сетями и поставщиками, где наблюдается существенное экономическое неравенство сторон. В работе рассматривается правовая природа торговых сетей на основе положений Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также анализируются особенности договоров поставки, заключаемых в данной сфере. Отмечается, что на практике широкое распространение получают договоры присоединения, ограничивающие возможность поставщиков влиять на условия договора. Автором исследуются ограничения принципа свободы договора, установленные как нормами гражданского законодательства, так и публично-правовыми актами, включая законодательство о защите конкуренции и торговой деятельности. Выявляется проблема несоответствия между формальной и фактической свободой договора, обусловленная доминирующим положением торговых сетей на рынке. Особое внимание уделяется влиянию федеральных торговых сетей на конкурентную среду и процессу вытеснения региональных участников рынка. Делается вывод о необходимости поиска баланса между свободой договора и ее ограничениями в целях обеспечения справедливости, развития конкуренции и защиты экономически слабых субъектов.

Ключевые слова: договор, торговая сеть, предпринимательская деятельность, публично-правовые требования, поставка.

AKHMETSHINA A.V.,

Master of the Faculty of Law

Kazan (Volga Region) Federal University

THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE ACTIVITIES OF RETAIL NETWORKS AND ITS RESTRICTIONS

Annotation. This article examines the principle of freedom of contract as a fundamental principle of civil law applicable to the activities of retail chains. The author analyzes the content of this principle, enshrined in Article 421 of the Civil Code of the Russian Federation, and reveals its main elements: freedom to conclude a contract, choose a counterparty, and determine the terms and type of contract. Particular attention is paid to the specifics of implementing freedom of contract in relations between retail chains and suppliers, where significant economic inequality is observed. The paper examines the legal nature of retail chains based on the provisions of the Federal Law «On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activity in the Russian Federation» and analyzes the specifics of supply contracts concluded in this area. It is noted that in practice, adhesion contracts, limiting the ability of suppliers to influence the terms of the contract, are widely used. The author examines the limitations of the principle of freedom of contract established by both civil law and public law, including legislation on the protection of competition and trade activities. The problem of discrepancy between formal and actual freedom of contract is identified, caused by the dominant position of retail chains in the market. Particular attention is paid to the impact of federal retail chains on the competitive environment and the process of displacing regional market participants. It concludes that a balance must be found between freedom of contract and its restrictions to ensure fairness, promote competition, and protect economically weaker entities.

Key words: contract, retail network, business activity, public law requirements, supply.

Принцип свободы договора традиционно рассматривается как один из базовых начал гражданского права, обеспечивающий автономию воли субъектов и гибкость регулирования экономических отношений. В соответствии со ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) участники гражданского оборота свободны в заключении договора, выборе контрагента и определении его условий.

Актуальность темы обусловлена тем, что в сфере деятельности торговых сетей свобода договора сталкивается с существенными ограничениями, обусловленными публичными интересами, необходимостью защиты конкуренции, а также балансирования интересов экономически неравных сторон торговых сетей и поставщиков. В последние годы наблюдается тенденция к усилению государственного вмешательства в договорные отношения в сфере торговли, что ставит под сомнение абсолютный характер рассматриваемого принципа.

Традиционным считается, что содержание принципа свободы договора раскрывается через совокупность его элементов [1], к числу которых относятся:

- свобода заключения договора;
- свобода выбора контрагента;
- свобода определения условий договора,
- свобода выбора вида договора.

Указанные положения вытекают не только из ст. 421 ГК РФ, но и из ст. 1 ГК РФ, закрепляющей равенство участников гражданских правоотношений и недопустимость произвольного вмешательства в частные дела. В то же время законодатель прямо указывает на возможность ограничения свободы договора, в частности, в случаях, когда обязанность заключить договор предусмотрена законом или добровольно принятым обязательством. Таким образом, уже на уровне общих норм гражданского права закрепляется относительный характер данного принципа, что можно признать логичным и правильным, поскольку абсолютный характер толкования данного принципа влечет за собой нарушение прав и законных интересов слабых субъектов общественных отношений.

В целях настоящего исследования необходимо определить содержание понятия «торговая сеть». Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» под торговой сетью понимается совокупность двух и более торговых объектов, которые находятся под общим управлением либо используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации. Можно сказать, что торговая сеть представляет собой организованную систему розничной торговли, объединенную экономически и управленчески, что обеспечивает ей значительное влияние на рынок товаров и услуг.

В деятельности торговых сетей принцип сво-

боды договора проявляется преимущественно при заключении договоров поставки, регулируемых положениями гл. 30 ГК РФ (ст. 506–524). В контексте отношений между торговыми сетями и поставщиками слабой стороной, как правило, выступает именно поставщик, особенно если речь идет о малых и средних предприятиях.

Торговые сети, обладая значительными финансовыми и организационными ресурсами, формируют условия сотрудничества с поставщиками, включая требования к ассортименту, логистике, упаковке и маркетинговому сопровождению товаров. На практике это приводит к широкому распространению договоров присоединения, предусмотренных ст. 428 ГК РФ, при которых одна сторона принимает условия, заранее сформулированные другой стороной, без возможности их обсуждения (либо, в случае если поставщик отказывается заключать договор на условиях торговой сети, то лишается своего главного и постоянного контрагента). В результате поставщик фактически лишается возможности реализовать свободу определения условий договора, что ставит под сомнение актуальность принципа свободы договора в рассматриваемых отношениях.

Тем не менее, стоит отметить, государство устанавливает определенные правила поведения в рассматриваемых отношениях. Федеральный закон «О защите конкуренции» устанавливает запрет на злоупотребление доминирующим положением, включая навязывание невыгодных условий договора (ст. 10). В свою очередь, Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» вводит специальные ограничения для торговых сетей, направленные на защиту поставщиков. К числу таких ограничений относятся установление предельного размера вознаграждения, получаемого торговой сетью от поставщика, запрет на включение в договор условий, не связанных непосредственно с поставкой товаров, а также регулирование сроков оплаты поставленной продукции (ст.9). Нет сомнений в том, что данные меры существенно ограничивают свободу торговых сетей в определении условий договоров поставки. И как пишут в литературе, установление ограничений связано в большей степени с защитой прав и интересов потребителей и поэтому взаимоотношения поставщиков и торговых сетей имеют сугубо публичный характер [2]

И все же, представляется, что одной из ключевых проблем реализации принципа свободы договора в рассматриваемой сфере является несоответствие между формальной и фактической свободой. С точки зрения закона, стороны обладают равными правами и возможностями, однако экономическое неравенство приводит к доминированию одной стороны над другой. Это создает предпосылки для злоупотребления правом со стороны торговых сетей, выражающего-

ся в установлении дискриминационных условий, требовании дополнительных платежей и ограничении доступа на рынок. Подобные действия, хотя и могут формально соответствовать принципу свободы договора, противоречат его сущности как инструмента обеспечения равенства и справедливости.

Хотя в литературе наоборот высказывают мнение о том, что деятельность торговых сетей направлена на сдерживание роста цен и защите прав и интересов потребителей [3]. И с данным тезисом можно согласиться, но данный факт не отменяет того, что поставщики находятся в наиболее слабом/зависимом положении.

И с одной стороны, подобные проявления несправедливости необходимо устранять при помощи государственного вмешательства, но чрезмерное государственное вмешательство в договорные отношения также может иметь негативные последствия. Представляется, что избыточное регулирование ограничивает гибкость хозяйственных связей, снижает эффективность экономической деятельности и может препятствовать развитию бизнеса. Поэтому регулирование любой предпринимательской деятельности, в том числе хозяйственной деятельности торговых сетей, должно быть очень продуманным и аккуратным.

Стоит также отметить, что сами торговые сети различаются между собой и их можно классифицировать на федеральные, региональные и местные. Как справедливо отмечается в научной литературе, федеральные торговые сети, обладая значительным экономическим, организационным и логистическим потенциалом, оказывают существенное влияние на конкурентную среду, неред-

ко вытесняя региональные и локальные торговые сети [4]. Данный процесс обусловлен тем, что крупные ритейлеры способны предлагать потребителям более низкие цены за счет эффекта масштаба, централизованных закупок, оптимизации логистических цепочек и наличия развитой инфраструктуры. В результате мелкие и средние торговые организации оказываются в заведомо менее выгодном положении, не имея возможности конкурировать по цене и ассортименту.

С одной стороны, снижение цен и расширение ассортимента отвечает интересам потребителей и соответствует целям развития конкурентной среды, что также соответствует и принципу свободы договора: каждый субъект сам ставит цену, которую считает приемлемой. Но, с другой стороны, доминирование крупных торговых сетей приводит к сокращению числа участников рынка, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться на уровне конкуренции. Вытеснение региональных торговых сетей снижает разнообразие каналов сбыта для поставщиков, усиливает их зависимость от федеральных ритейлеров и, как следствие, ограничивает реальную свободу договора.

Таким образом, принцип свободы договора в деятельности торговых сетей сохраняет свое значение, однако его реализация существенно ограничена в целях обеспечения справедливости, защиты конкуренции и интересов экономически слабых участников рынка. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на оптимизацию соотношения свободы и ограничений, что позволит обеспечить устойчивое функционирование торгового сектора и справедливость договорных отношений.

Список литературы:

[1] Станчуляк Я.А. Свобода договора в современном торговом обороте: основные положения судебной доктрины // Скиф. Вопросы студенческой науки, 2019. № 12 (40). С. 358-361.

[2] Карпов Н. Н. Договор поставки товара в торговые сети как механизм защиты прав потребителей: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права, 2021. Т. 16. № 6. С. 123-132.

[3] Правовое регулирование поставки товаров в торговые сети: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Москва, 2021. 258 с.

[4] Карпов Н. Н. Понятие торговой сети в контексте действующего антимонопольного регулирования // Актуальные проблемы российского права, 2020. Т. 15. № 8. С. 118-125.

References:

[1] Stanchulyak Ya.A. Freedom of Contract in Modern Trade: Basic Provisions of Judicial Doctrine // Skif. Issues of Student Science, 2019. No. 12 (40). Pp. 358-361.

[2] Karpov N.N. Contract for the Supply of Goods to Retail Chains as a Mechanism for Protecting Consumer Rights: Theoretical and Legal Aspect // Actual Problems of Russian Law, 2021. Vol. 16. No. 6. Pp. 123-132.

[3] Legal Regulation of the Supply of Goods to Retail Chains: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. Moscow, 2021. 258 p.

[4] Karpov N. N. The concept of a retail network in the context of current antimonopoly regulation // Actual problems of Russian law, 2020. Vol. 15. No. 8. P. 118-125.

ГОФМАН Георгий Игоревич,
студент,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия,
e-mail: ivanov_j7@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОТАРИАЛЬНОГО АКТА В СФЕРЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье речь идет о юридическом значении нотариального акта в российской правовой системе. Раскрывается природа нотариата, дается понятие нотариального акта, рассматривается его место в системе юридических фактов, делается вывод об отнесении нотариального акта к административным актам в системе юридических фактов. Рассматриваются виды нотариальных действий и выполняемые нотариусом функции в сфере наследственного права. Выделяются частноправовые и публично-правые функции. Подчеркивается публично-правовой характер нотариального акта и нотариальной деятельности. Делаются выводы о значении нотариального акта в поддержании частноправовых и публично-правовых интересов.

Ключевые слова: нотариус, нотариальный акт, наследственное право, завещание, свидетельство о праве на наследство.

GOFMAN Georgy Igorevich,
student,
Kutafin Moscow State Law
University (MSAL),
Moscow, Russia

THE LEGAL MEANING OF THE NOTARIAL ACT IN THE FIELD OF INHERITANCE LAW

Annotation. The article deals with the legal significance of a notarial act in the Russian legal system. The nature of the notary is disclosed, the concept of a notarial act is given, its place in the system of legal facts is considered, a conclusion is made about classifying the notarial act as administrative acts in the system of legal facts. Types of notarial actions and functions performed by a notary in the field of inheritance law are considered. Private and public-right functions are distinguished. The public legal nature of the notarial act and notarial activity is emphasized. Conclusions are drawn about the significance of the notarial act in maintaining private and public legal interests.

Key words: notary public, notarial act, inheritance law, last will, certificate of inheritance.

Обращение к вопросу определения юридического значения нотариального акта вызвано распространенностью в обществе неправильного представления о работе нотариуса и результате нотариального производства – нотариальном акте. В быту можно услышать о том, что нотариус является предпринимателем и оказывает нотариальные услуги в целях извлечения прибыли. Это в корне неверно. В первую очередь, нужно забыть понятие услуги. Вместо частноправового понятия «услуги» Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [1, ст. 357] используют словосочетание «нотариальное действие», что подчеркивает публично-правовую природу нотариата. Этот же закон в ст. 6 запрещает нотариусу заниматься предприниматель-

ской деятельностью, что означает, что и понятие прибыли также не применяется к нотариальной деятельности. Нотариус взимает единый нотариальный тариф, строго установленный законом, и не имеет права ни завышать, ни занижать его.

Другая распространенная ошибка – называть нотариуса государственным служащим. Согласно статистике, собранной Министерством юстиции Российской Федерации [2], в стране нет ни одного нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе. Все нотариусы занимаются частной практикой, оставаясь при этом субъектами права публичного. Сегодняшний нотариус не находится в трудовых отношениях с Минюстом России, не получает от него заработной платы, не несет ответственности по ст. 1069 Гражданского

кодекса Российской Федерации [3] (а несет полную имущественную ответственность по ст. 17 Основ законодательства РФ о нотариате). Вместе с тем специфические признаки нотариальной деятельности, описанные выше, по-прежнему доказывают факт публично-правовой природы нотариальной деятельности. Нотариальная деятельность – государственное дело.

В связи с публично-правовой природой нотариальной деятельности возникает вопрос о месте нотариального акта в системе юридических фактов. К каким фактам следует их относить? Однозначно, к правомерным действиям, но далее – к каким? Сделкам, решениям собраний, административным актам, судебным решениям? Полагаю, ближе всего нотариальный акт относится к административным актам. Совершение нотариальных действий от имени Российской Федерации свидетельствует об этом. Остановимся на этом подходе и попробуем проследить юридическое значение нотариального акта в сфере наследственного права.

Наследственное право немыслимо без нотариуса. Чтобы принять наследство, нужно обратиться к нотариусу. Чтобы получить свидетельство о праве на наследство, также нужно обратиться к нотариусу. Удостоверяет завещания, наследственные договоры тоже нотариус. Таким образом, нотариат имеет исключительную компетенцию в сфере наследственного права. Все нотариальные действия в сфере наследственного права выполняют две ключевые функции – частноправовые и публично-правовые. К частноправовым относится реализация прав граждан на наследственное планирование и оформление наследственных прав, к публично-правовым – охрана и защита публично-правовых интересов за счет передачи имущества в качестве выморочного к публично-правовым образованиям, а также за счет поиска мошенников, представляющих нотариусу поддельные документы (свидетельства о смерти, завещания). В рамках выполнения первой функции нотариус совершает такие нотариальные и связанные с ними действия [1, ст. 35]: удостоверяет завещания различных видов, наследственные договоры, участвует в создании личных и наследственных фондов, принимает меры к

охране и управлению наследством, участвует в деле о банкротстве, выдает свидетельства о праве на наследство (в том числе наследственным фондам). В рамках выполнения второй функции нотариус, прежде всего, выдает свидетельство о праве на наследство публично-правовым образованиям. Жилые помещения, оформляемые как выморочное имущество, согласно ст. 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], переходят в жилищный фонд социального использования, а значит, предоставляются в дальнейшем малоимущим и нуждающимся гражданам. В этом видится большая социальная (публично-правовая задача). Другая задача состоит в своевременном выявлении мошенников. Постоянно на официальном сайте Федеральной нотариальной палаты [5; 6; 7] публикуются сведения об обнаружении нотариусами мошенников, использующих поддельные завещания, паспорта, доверенности, даже свидетельства о смерти. Благодаря введению в действие Единой информационной системы нотариата выявление мошенников стало гораздо более эффективным. Каждому нотариальному акту присваивается свой номер [1, ст. 34.3], и стало проще проверить, было ли в действительности совершено нотариальное действие (например, было ли удостоверено завещание) или нет. Особенно важным это нововведение представляется для защиты наследственных прав, поскольку гарантированное ст. 40 Конституции РФ [8] право на жилище может пострадать. Тем самым реформа нотариата, повлекшая за собой широкое применение нотариусами цифровых технологий, однозначно, является благом как для субъектов частного права, оформляющих наследственные право быстрее, так и для субъектов права публичного.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Нотариус является субъектом публичного права, но не государственным служащим.
2. Нотариальный акт – правомерное юридическое действие, находящееся в системе юридических фактов среди административных актов.
3. Значение нотариального акта как юридического факта в сфере наследственного права выражается в поддержании частноправовых и публично-правовых интересов.

Список литературы:

- [1] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 34.3, 35, 357.
- [2] Сведения о нотариате в Российской Федерации за 2025 год. // Минюст России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2025-god/> (дата обращения: 18.04.2026).
- [3] Гражданский кодекс РФ, часть вторая от 26 января 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- [4] Гражданский кодекс РФ, часть третья от 26 ноября 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [5] Правовая осознанность: россияне все реже оформляют доверенности на недвижимость. // Официальный сайт ФНП. URL: <https://нотариат.рф/ru-ru/news/pravovaya-osoznannost-rossiyane-vse->

rezhe-oformlyayut-doverennosti-na-nedvizhimost-2603 (дата обращения: 18.04.2026).

[6] Нотариат против кибермошенников — одна из тем дискуссии в Общественной палате. // Официальный сайт ФНП. URL: <https://нотариат.пф/ru-ru/news/notariat-protiv-kibermoshennikov-odna-iz-tem-diskussii-v-obshestvennoj-palate-2602> (дата обращения: 18.04.2026).

[7] «Москва 24»: нотариус вновь обезвредил мошенников. // Официальный сайт ФНП. URL: <https://нотариат.пф/ru-ru/news/moskva-24-notarius-vnov-obezvredil-moshennikov-2512> (дата обращения: 18.04.2026).

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

References:

[1] *Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries of February 11, 1993* // *Vedomosti SND i VS RF*. 1993. No. 10. Art. 34.3, 35, 357.

[2] *Information on Notaries in the Russian Federation for 2025* // Ministry of Justice of Russia. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-o-notariate-v-rossijskoj-federacii-za-2025-god/> (date accessed: April 18, 2026).

[3] *Civil Code of the Russian Federation, Part Two of January 26, 1996* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 5. Art. 410.


[4] *Civil Code of the Russian Federation, Part Three of November 26, 2001* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 49. Article 4552.

[5] *Legal Awareness: Russians Are Increasingly Fewer and Fewer issuing Powers of Attorney for Real Estate*. // Official Website of the Federal Notary Chamber. URL: <https://нотариат.пф/ru-ru/news/pravovaya-osoznannost-rossiyane-vse-rezhe-oformlyayut-doverennosti-na-nedvizhimost-2603> (accessed: April 18, 2026).

[6] *Notaries Public vs. Cyber Fraud: One of the Topics of Discussion in the Public Chamber*. // Official Website of the Federal Notary Chamber. URL: <https://нотариат.пф/ru-ru/news/notariat-protiv-kibermoshennikov-odna-iz-tem-diskussii-v-obshestvennoj-palate-2602> (accessed: 18 April 2026).

[7] «Moscow 24»: Notary once again neutralizes fraudsters. // Official website of the Federal Notary Chamber. URL: <https://нотариат.пф/ru-ru/news/moskva-24-notarius-vnov-obezvredil-moshennikov-2512> (accessed: 18 April 2026).

[8] *Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)* // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 31. Article 4398.



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-49-53

АРЕВШАТЯН Вачаган Асланович,
следователь отделения следственного отдела
Северо-Восточного линейного управления
МВД России на транспорте, капитан юстиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НИКИТЕНКО Илья Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И.Ф. Шилова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Аннотация. В статье исследуется комплекс практических и доктринальных проблем, возникающих при разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ. Авторами обосновывается тезис о том, что действующие критерии установления умысла на сбыт носят преимущественно косвенный и формальный характер, что порождает устойчивую тенденцию к квалификационным ошибкам в судебной практике. Центральное место в исследовании занимает анализ провокации преступления как самостоятельного правового явления, недостаточно обеспеченного процессуальными механизмами защиты. На основе изучения судебных решений, в том числе апелляционного приговора Пермского краевого суда по делу № 22-7418, а также нормативно-доктринальных источников авторы формулируют предложения *de lege ferenda*, направленные на восполнение существующих пробелов в регулировании.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, ст. 228 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, умысел на сбыт, провокация преступления, оперативно-розыскная деятельность, квалификация смежных составов, принцип справедливости.

AREVSHATYAN Vachagan Aslanovich,
Investigator, North-Eastern Linear Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport,
Captain of Justice

NIKITENKO Ilya Viktorovich,
Doctor of Law, Professor,
Far Eastern Law Institute of the MIA
of Russia named after I.F. Shilov

PROBLEMS OF DELIMITATION OF LEGAL DRUG CIRCULATION FROM CRIMINAL ACTS AND ISSUES OF QUALIFICATION OF RELATED OFFENSES

Annotation. The article examines a set of practical and doctrinal problems arising in the delimitation of criminal offenses under Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors substantiate the thesis that the existing criteria for establishing the intent to sell are predominantly indirect and formal in nature, generating a persistent trend toward qualification errors in judicial practice. Central to the study is an analysis of criminal provocation as an independent legal phenomenon that lacks adequate procedural safeguards. Drawing on judicial decisions — including the appellate judgment of the Perm Regional Court in case No. 22-7418 — as well as normative and doctrinal sources, the authors formulate *de lege ferenda* proposals aimed at filling the existing gaps in legal regulation.

Key words: illicit trafficking of narcotic drugs, Article 228 of the Criminal Code of the RF, Article 228.1 of the Criminal Code of the RF, intent to sell, criminal provocation, operational-investigative activity, qualification of related offenses, principle of justice.

Введение

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ относится к числу тех уголовно-правовых явлений, в которых нормативная определённость уголовного закона вступает в системное противоречие с неоднозначностью правоприменительной практики. Закон, формально разграничив ответственность за хранение без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) и непосредственно сбыт (ст. 228.1 УК РФ), оставил нерешённым ключевой вопрос: по каким объективно верифицируемым критериям следует устанавливать субъективную направленность деяния? Данная неопределённость создаёт почву как для необоснованного ужесточения ответственности, так — в ряде случаев — для её фактического уклонения.

Не менее острой остаётся проблема провокации сбыта наркотических средств в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Несмотря на законодательный запрет подстрекательства (ст. 5 Федерального закона № 144-ФЗ) и соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительная практика демонстрирует устойчивое недоиспользование механизмов защиты от провокации: суды нередко ограничиваются констатацией формального соответствия ОРМ требованиям закона, не вдаваясь в анализ генезиса умысла обвиняемого.

Настоящая работа предлагает авторскую концепцию преодоления этих противоречий. В её основе лежит идея о том, что достижение уголовно-правовой справедливости в данной сфере невозможно без одновременного решения двух задач: (1) разработки нормативно закреплённых материальных критериев «активного сбытового умысла» и (2) создания эффективного процессуального механизма проверки доводов о провокации.

1. Нормативно-правовые основы квалификации и их интерпретационный потенциал

Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1] конструирует систему законного оборота наркотических средств как исключительную: вне установленных законом целей (медицинских, ветеринарных, научных и иных) оборот запрещён. Уголовный кодекс РФ, в свою очередь, реализует эту запретительную модель через дифференцированную систему составов (ст. 228–233 УК РФ). Ключевое структурообразующее звено — разграничение между деяниями, совершёнными без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) [2], и деяниями, непосредственно направленными на реализацию (ст. 228.1 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 16 мая 2017 г.) [3] содержит в п. 13 перечень косвенных признаков умысла на сбыт: нахождение в распоряжении лица количества вещества, явно превы-

шающего личные нужды; расфасовка; наличие весовых приспособлений; отсутствие у лица признаков потребителя. Однако, опираясь на практику следственной работы, авторы констатируют принципиальный изъян этого перечня: каждый из перечисленных признаков является косвенным и допускает альтернативное объяснение. Расфасовка может свидетельствовать об удобстве личного потребления; значительное количество — о единовременном крупном приобретении для личных нужд. Пленум, таким образом, предложил не критерии умысла, а лишь его индикаторы, оставив суду практически неограниченное пространство для усмотрения.

С теоретической точки зрения проблема усугубляется тем, что умысел на сбыт — это не вид прямого умысла в чистом виде, а целевая установка субъекта, формирующаяся задолго до фактического сбыта [4]. Доктрина уголовного права традиционно разграничивает осознание общественной опасности и направленность воли (цель). Сбыт как цель — это проспективная составляющая умысла, которую нельзя ни непосредственно наблюдать, ни с достаточной надёжностью выводить из количественных параметров предмета преступления. Именно поэтому применение одних лишь формальных показателей (масса, расфасовка) без установления «активных сбытовых действий» означает замену доказывания субъективной стороны доказыванием лишь объективных признаков, что противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ).

2. Доктринальные и практические аспекты разграничения ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ

Разграничение хранения без цели сбыта и сбыта образует «болеву точку» уголовно-правовой квалификации в исследуемой сфере [5]. Следственная и судебная практика обнажает характерную деформацию: суды нередко квалифицируют деяние по ст. 228.1 УК РФ, опираясь исключительно на значительную массу изъятого вещества, не устанавливая при этом ни одного признака реализационной деятельности обвиняемого. Между тем обзор судебной практики Верховного Суда РФ (утверждён Президиумом 26 июня 2024 г.) [6] фиксирует систематические случаи переквалификации с ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ именно по мотиву недоказанности умысла на сбыт.

Авторская позиция состоит в следующем. Умысел на сбыт наркотических средств должен считаться доказанным только при наличии хотя бы одного «активного сбытового признака»: (а) конкретных переговоров с потенциальными приобретателями, зафиксированных в материалах дела; (б) организации системы «закладок» с координатным сопровождением; (в) рекламирования наркотических средств в телекоммуникационных сетях; (г) неоднократных передач различным лицам в течение непродолжительного периода. Ко-

личественные и морфологические признаки (масса, расфасовка) при этом могут служить лишь вспомогательными, но не самостоятельными основаниями квалификации.

Самостоятельную квалификационную проблему порождают так называемые «дела посредников». Лицо, приобретающее наркотическое средство для потребителя за счёт последнего и без какой-либо имущественной выгоды для себя, объективно не осуществляет «реализацию» в смысле ст. 228.1 УК РФ и должно отвечать, как соучастник приобретения по ст. 228 УК РФ. Тем не менее судебная практика остаётся неоднородной. По мнению авторов, основной причиной этой неоднородности является отсутствие легальной дефиниции «реализации» как элемента объективной стороны сбыта: разъяснение Пленума носит описательный характер, но не формулирует признаков, наличие которых исключало бы квалификацию по ст. 228.1 УК РФ [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о значении Постановления Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, устанавливающего пороговые размеры наркотических средств, для решения рассматриваемой квалификационной проблемы. Данный нормативный акт разграничивает значительный, крупный и особо крупный размеры, создавая тем самым градуированную систему ответственности. Однако превышение порогового размера само по себе не может автоматически свидетельствовать об умысле на сбыт — это положение прямо вытекает из системного толкования ч. 1 и ч. 2 ст. 228 УК РФ, устанавливающих различную ответственность за хранение в зависимости от размера вне связи с целью сбыта.

3. Провокация сбыта наркотических средств: доктрина, практика и пробелы регулирования

Провокация преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств — явление, по своей правовой природе принципиально отличное от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Её специфика состоит в том, что общественную опасность несёт не само деяние провоцируемого лица — оно может вообще не обладать самостоятельной причинной силой, — а противоправное вмешательство государственного агента в генезис преступного умысла. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] запрещает подстрекательство, склонение или иное побуждение к совершению противоправных действий (ч. 8 ст. 5). Однако механизм применения этого запрета в уголовном процессе по-прежнему не имеет нормативной регламентации.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 Постановления № 14 (в ред. 2015 г.) связывает допустимость результатов ОРМ с двумя условиями: умысел на незаконный оборот должен был сформироваться у лица независимо от деятельности

оперативных сотрудников; лицо должно было совершить все подготовительные действия, необходимые для совершения преступления. Данная формулировка содержательно верна, однако процессуально не обеспечена: не установлено, на кого возложено бремя доказывания «независимости» умысла — на обвинение или на сторону защиты; не определено, каким должен быть стандарт доказывания по данному вопросу.

Показательным примером последствий этой процессуальной лакуны служит дело, рассмотренное Соликамским городским судом Пермского края [9]. Гражданин Т. был осуждён по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ за незаконный сбыт производного N-метилэфедрона массой 0,037 г в рамках «проверочной закупки». Фактические обстоятельства свидетельствовали о том, что оперативное мероприятие в отношении Т. было инициировано не на основании объективных данных о его причастности к сбыту наркотиков, а после отказа первоначального фигуранта (У.) от контакта. Посредник вышел на Т. по инициативе оперативников, перевёл ему денежные средства, после чего Т. лишь переместил ранее размещённую закладку. Пермский краевой суд в апелляционном приговоре от 17 декабря 2020 г. по делу № 22-7418⁷ полностью оправдал Т., констатировав: умысел на сбыт у него не возник самостоятельно, а был искусственно сформирован в результате действий оперативных сотрудников, нарушивших запрет ст. 5 Закона об ОРД. Результаты ОРМ были признаны недопустимыми доказательствами.

Данный прецедент обнажает системную проблему: первая инстанция вынесла обвинительный приговор в условиях, когда доводы о провокации содержались в материалах дела ещё на стадии расследования. Это означает, что суд первой инстанции либо не исследовал генезис умысла обвиняемого, либо возложил бремя доказывания провокации на защиту вопреки презумпции невиновности. По мнению авторов, именно этот практический феномен — «стандарт умолчания», при котором провокация признаётся лишь при активном сопротивлении защиты, — является основным препятствием для эффективной защиты от неё.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие авторские выводы и предложения *de lege ferenda*.

Первое. Действующее разграничение составов ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ опирается на критерии умысла, носящие исключительно косвенный и формальный характер. Это создаёт структурную предпосылку для квалификационных ошибок в сторону ужесточения ответственности. В целях устранения данного пробела предлагается дополнить п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 указанием на то, что умысел на сбыт считается доказанным

лишь при наличии не менее одного «активного сбытового признака»: прямых переговоров об условиях сбыта; организованной системы «закладок»; рекламирования наркотических средств в сети «Интернет»; неоднократных передач разным лицам. Количественные и морфологические признаки предмета сами по себе не могут служить достаточным основанием квалификации по ст. 228.1 УК РФ.

Второе. Отсутствие нормативно закреплённого процессуального механизма проверки доводов о провокации является самостоятельным системным дефектом. Предлагается внести в ст. 229 УПК РФ изменения, обязывающие суд по ходатайству стороны защиты проводить на стадии подготовки к судебному заседанию специальную проверку законности ОРМ, включающую: установление оснований для их проведения в отношении конкретного лица; оценку степени инициативы оперативных сотрудников при вступлении в контакт с обвиняемым; привлечение независимого специалиста в области оперативно-розыскной деятельности. Установление факта провокации должно влечь прекращение уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава престу-

пления), а не лишь исключение результатов ОРМ из числа доказательств.

Третье. Системный подход к противодействию незаконному обороту наркотиков предполагает переориентацию правовой политики с преимущественно репрессивных мер на профилактику и медико-социальную реабилитацию потребителей. Институт отсрочки отбывания наказания (ст. 82.1 УК РФ), предполагающий прохождение лечения от наркотической зависимости, функционирует крайне редко — в том числе ввиду его недостаточной регламентации. Представляется целесообразным разработать подзаконный нормативный акт, определяющий стандарты лечебно-реабилитационных программ, принятие которых является условием применения данной нормы.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить более полное соответствие правоприменительной практики принципам вины, справедливости и гуманизма (ст. 5–7 УК РФ), повысит предсказуемость уголовно-правовой оценки действий участников незаконного оборота наркотических средств и создаст реальные процессуальные гарантии против злоупотреблений в оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», ст. 1, 2. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026), ст. 228, 228.1. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие. СПб., 2016. С. 45.

[5] Егорова Т.И. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228–228.1 УК РФ): монография. М., 2016. С. 112.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами (утв. Президиумом ВС РФ 26 июня 2024 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. постановлений Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 30 и от 16.05.2017 № 17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

[8] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

[9] Апелляционный приговор Пермского краевого суда от 17 декабря 2020 г. по уголовному делу № 22-7418 // Архив Пермского краевого суда.

References:

[1] Federal Law of January 8, 1998 No. 3-FZ «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances», Art. 1, 2. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (date of access: March 15, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February

20, 2026), Art. 228, 228.1. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: March 15, 2026). [3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 N 14 (as amended on 16.05.2017) «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (date of access: 15.03.2026).

[4] Lyubavina M.A. Qualification of crimes provided for by Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: a textbook. St. Petersburg, 2016. P. 45.

[5] Egorova T.I. Criminal liability for illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (Articles 228-228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph. M., 2016. P. 112.

[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of crimes related to narcotic drugs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (date of access: 03/15/2026).

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 No. 14 «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances» (as amended by the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 30 and of May 16, 2017 No. 17) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. No. 8.

[8] Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ «On operational-search activities» (as amended on December 30, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.

[9] Appellate verdict of the Perm Regional Court of December 17, 2020 in criminal case No. 22-7418 // Archive of the Perm Regional Court.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СУДЕБНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-54-57

ГРАЧЕВЦОВА Ирина Сергеевна,
магистрант, КрФ РГУП,
e-mail: 0180218@mail.ru

Научный руководитель:
БУТКЕВИЧ Ольга Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и арбитражного судопроизводства,
КрФ РГУП,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Упрощенное производство, как одна из упрощенных процессуальных форм способствует качественному и оперативному правосудию. В статье обращается внимание, что в цивилистических кодексах законодатель использует различные подходы при определении места упрощенного производства в их структуре. Выделены проблемные вопросы разграничения упрощенного и приказного производства в гражданском и арбитражном процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс, гражданский процесс, упрощенное производство, процессуальная форма, приказное производство, доступность правосудия.

GRACHEVCZOVA Irina Sergeevna,
Master's student, KrF RSUP

Academic Supervisor:
BUTKEVICH Olga Vasilevna,
associate professor of the department
civil and arbitration proceedings
Ph.D. legal Sciences, Associate Professor,
KrF RSUP

CURRENT ISSUES OF SIMPLIFIED PROCEEDINGS IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Annotation. Simplified proceedings, as one of the simplified procedural forms, contribute to high-quality and expeditious justice. The article notes that in civil law codes, legislators use various approaches to defining the place of simplified proceedings within their structure. Problematic issues in distinguishing between simplified and summary proceedings in civil and arbitration proceedings are highlighted.

Key words: arbitration process, civil process, simplified proceedings, procedural form, summary proceedings, access to justice.

Повышению качества судебной деятельности, оперативности рассмотрения ряда цивилистических споров и скорости вынесения итоговых решений способствуют упрощенные формы правосудия. Скорость рассмотрения экономических и гражданско-правовых споров не должна влиять на качество судебной деятельности, поэтому упрощенные формы судопроизводства могут применяться только к делам определенных категорий.

Очевидно, что общий порядок рассмотрения дел в суде отличается сложной процессуальной формой и приводит к длительному процессу принятия итогового решения, поэтому является избыточной для простых и бесспорных дел. Упрощенное производство, как одна из упрощенных процессуальных форм способствует качественному и оперативному правосудию.

В настоящее время перед научным сообществом и законодателем стоит задача по поиску

оптимальных вариантов отправления правосудия в короткие временные промежутки, и совершенствованию уже имеющихся упрощенных форм. Актуальность темы заключается в необходимости соблюдения баланса между скоростью рассмотрения гражданских споров и качеством правосудия, в противном случае, судебные решения, несмотря на быстроту их вынесения, не будут решать основной задачи правосудия – защиты нарушенных прав и законных интересов участников гражданского оборота и хозяйственной деятельности.

О.Д. Шадловская определила следующие характеристики упрощенной процессуальной формы: «законодательное закрепление категорий или признаков дел, к которым возможно применить специальные способы их разрешения; упрощенный порядок рассмотрения и разрешения дел, структура, принципы, гарантии заранее определены нормами процессуального права; сжатые процессуальные сроки; повышенный уровень гарантий прав субъектов в исходе дела при отграничении каких либо норм и принципов классического процесса; особая процессуальная конструкция разрешения дел: основу принятия судебного решения составляют письменные доказательства и закон, законодательно предопределена надлежащая проверка правомерности и обоснованности заявленных требований; особый порядок обжалования и отмены» [3, с. 16-17].

Процессуальная сущность упрощенного производства позволяет отнести его к обычному порядку, имеющему процессуальные изъятия.

Из анализа структуры Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) следует, что гл. 21.1 «Упрощенное производство» входит в подразд. II «Исковое производство». Это означает, что исследуемый вид производства при рассмотрении гражданско-правовых споров законодатель отнес к разновидности ординарного производства, с установленными изъятиями. Для арбитражного процесса установлен совершенно другой подход к процессуальной природе упрощенного производства. Так, гл. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) включается в разд. IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел». Сравнение с Кодексом административного судопроизводства (далее – КАС РФ) показывает, что в нем гл. 33 «Рассмотрение административных дел в порядке упрощенного (письменного) производства» единственная представляет раздел V. Тем самым, упрощенному производству законодатель придает различный процессуальный смысл в каждом из видов судопроизводства, что видится нецелесообразным.

Поскольку законодатель пошел по пути унификации приказного производства в гражданском, арбитражном и административном процес-

се, можно ожидать, что таких же изменений ждет и упрощенное производство. Нет необходимости в придании различной процессуальной природы одному институту, в зависимости от вида судопроизводства, поэтому следует продолжить законодательскую разработку данного вопроса [2, с. 95].

В ходе сближения гражданских процессов имели место упущения, связанные с определением особенностей применения приказного и упрощенного порядков, при том, что хозяйственные споры начали разрешаться в упрощенном порядке гораздо раньше гражданско-правовых, а для гражданско-правовых дел уже действовало приказное производство. Четко не определены условия применения того и другого порядка, поэтому часть условий пересекаются. Приказное производство включает в себя часть критериев отнесения дел к упрощенному производству.

Разрешению данной коллизии посвящен п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», согласно которому, требования, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 227 АПК РФ, должны быть рассмотрены в порядке упрощенного производства в одном из случаев:

– если цена иска превышает пределы, установленные для дел, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства (ч. 1 ст. 121 ГПК РФ, ст. 229.2 АПК РФ);

– если цена иска не превышает такие пределы, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа было отказано или судебный приказ был отменен.

Следует отметить, что непрерывное расширение круга дел за счет увеличения значения максимальной величины спора, подпадающего под категорию «малозначительного», ведет к замещению ординарной формы на упрощенную. Сейчас предусмотрены достаточно солидные суммы, допускающие рассмотрение дела в порядке упрощенного производства. Увеличение ценового порога должно иметь под собой веские основания.

Нередко правоприменители сталкиваются с ситуацией, когда заявленные требования можно разрешить в приказном порядке, но соответствующее заявление не подавалось. В этом случае заявление, поданное на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, подлежит возвращению. Суд при этом не должен устанавливать, имеет ли место спор о праве, такая оценка дается только мировым судьей при подаче заявления о выдаче судебного приказа. Заявитель, имея факты об обстоятельствах своего дела, знающий отношение ответчика к готовности исполнять свои обязанности, имеющий доказательства, подтверждающие спорность требований,

вправе обратиться за защитой своего права, лишь получив отказ в принятии заявления о выдаче судебного приказа.

Правоприменители сталкиваются с затруднениями при отнесении дел о взыскании денежных средств к тому или другому производству, когда их условия подходят для обоих порядков. Сочетание уровня бесспорности требований и их стоимости предполагает разные последствия и «полноту реализации права на судебную защиту, «набор» конкретных процессуальных гарантий этого права» [3, с. 47].

Наряду с этим приказной порядок рассмотрения дел является преимущественным. В соответствии с п.п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ под упрощенное производство подпадают только те дела, к которым неприменим приказной порядок.

Как указывает Е.Г. Стрельцова, «при пропорциональном правосудии ключевыми показателями для определения судом вида судебного производства является не важность дела для спорящих сторон, а временные и финансовые затраты суда в целом» [4, с. 45]. Приводится позиция, что «отсутствие возможности выбора для заинтересованных лиц между упрощенным и ординарным судебным разбирательством означает ограничение доступности правосудия» [5, с. 39].

И.В. Решетникова и Е.А. Царегородцева считают, что «данный вопрос может быть решен, если суду как на стадии возбуждения дела, так и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству будет предоставлено право самостоятельно определять вид производства. Нарушение принципа диспозитивности не происходит, поскольку сам факт обращения в суд с заявлением либо иском заявлением свидетельствует о желании обращающегося лица получить судебную защиту. Кроме того, чтобы не лишать стороны возможности влиять на выбор судебной процедуры, авторами предлагается предоставить им право заявлять мотивированное ходатайство о переходе из одного производства в другое с учетом сложности дела и конкретных обстоятельств. Однако такой подход можно пока реализовать только в арбитражном процессе, поскольку упрощенное производство ведется в электронном виде, стороны могут знакомиться

со всеми поступившими по делу материалами в режиме ограниченного доступа, а следовательно, оперативно реагировать на поступление такого ходатайства от другой стороны» [5, с. 8].

Другим решением мог бы стать вариант механического перехода дела на рассмотрение в упрощенном или обычном порядке при отмене судебного приказа. Однако в этом случае от принятия решения отстраняется лицо, инициировавшее дело. Оно вынуждено продолжать свое участие в процессе, даже если не желает, чтобы дело рассматривалось в ином, кроме приказного порядка. Это может быть вызвано самыми разными причинами, от утраты актуальности для себя разрешения спора до нежелания платить судебную пошлину в полном объеме.

Участники процесса должны иметь выбор порядка рассмотрения их дела, и только при таком выборе сознательно выбирать и соглашаться на упрощенное производство, идя на применение более простых правил, ослабляющих гарантии правосудия по сравнению с ординарным производством.

Имея право выбора, лицо может пойти по пути наиболее оперативного и дешевого рассмотрения дела в приказном порядке, более длительного, но при этом тщательного упрощенного производства, или по пути рассмотрения дела в обычной процессуальной форме с сохранением всевозможных процессуальных гарантий.

Таким образом, применение упрощенных форм судебного производства должно обеспечивать гарантии защиты и восстановления нарушенного права участников гражданско-правовых и хозяйственных споров. При этом стремление к удовлетворению государственных интересов, связанных с удешевлением судебной деятельности, разгрузкой судебной системы при применении упрощенных процедур, не должно выходить на первое место. Законодатель должен стремиться к такой конструкции организации судебных производств, при которой заявитель может сам выбирать подходящий ему порядок производства, что усилит правозащитные гарантии участников гражданско-правовых и предпринимательских споров, гарантирует возможность рассмотрения дела по общей процессуальной форме.

Список литературы:

- [1] Борисова Е.А. Проблемы реализации права на судебную защиту в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 47.
- [2] Масаладжиу Р.М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах: все ли сделано правильно? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 9. С. 36-41.
- [3] Постовалова Е.В. К вопросу о развитии упрощенных форм судопроизводства в гражданском процессе / Е.В. Постовалова, Е.С. Шумейко // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 1. С. 90-96.
- [4] Решетникова И.В., Царегородцева Е.А. Новации в арбитражном процессе через призму задач судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 5-9.
- [5] Стрельцова Е.Г. Приватизация правосудия: монография. М.: Проспект, 2024. 240 с.

[6] Шадловская О.Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 32 с.

References:

[1] Borisova E.A. Problems of Realizing the Right to Judicial Protection in Civil and Administrative Proceedings // *Bulletin of Civil Procedure*. 2022. No. 1. P. 47.

[2] Masalagiu R.M. Simplified Proceedings in Civil and Arbitration Processes: Has Everything Been Done Correctly? // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022. No. 9. Pp. 36-41.

[3] Postovalova E.V. On the Development of Simplified Forms of Proceedings in Civil Procedure / E.V. Postovalova, E.S. Shumeiko // *Actual Problems of the State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 90-96.

[4] Reshetnikova I.V., Tsaregorodtseva E.A. Innovations in Arbitration Process through the Prism of Legal Proceedings // *Arbitration and Civil Procedure*. 2018. No. 7. pp. 5-9.

[5] Streltsova E.G. Privatization of Justice: Monograph. Moscow: Prospect, 2024. 240 p.

[6] Shadlovskaya O.D. Summary Proceedings as a Simplified Form of Civil Proceedings: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2015. 32 p.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-58-63

КОБЛИКОВ Александр Васильевич,
магистрант 2 курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «НГУЭУ (НИНХ)»,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОМПЕТЕНЦИЯ И ПОДСУДНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья исследует проблемы разграничения подведомственности (отнесения к компетенции судов) и подсудности корпоративных споров в свете реформы процессуального законодательства. Анализируются коллизии терминологии, доктринальные подходы и последствия для правовой определенности. Рассмотрены критерии отнесения споров к юрисдикции арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Автор подчеркивает, что, несмотря на сохраняющиеся проблемы, действующее законодательство устанавливает четкие правила для реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: корпоративные споры, подведомственность, подсудность, компетенция судов, цивилистический процесс, судебная защита.

KOBLIKOV Aleksandr Vasilievich,
2 year Master's student, Faculty of Law,
FSBEI of HE «NSUEM (NINH)»,
Novosibirsk, Russia

COMPETENCE AND JURISDICTION OF CORPORATE DISPUTES IN THE RUSSIAN CIVIL PROCESS

Annotation. This article examines the delineation of jurisdiction (assignment to the courts' competence) and venue in corporate disputes in light of the reform of procedural legislation. Conflicts of terminology, doctrinal approaches, and the implications for legal certainty are analyzed. The criteria for assigning disputes to the jurisdiction of arbitration courts and courts of general jurisdiction are examined. The author emphasizes that, despite persistent problems, current legislation establishes clear rules for exercising the right to judicial protection.

Key words: corporate disputes, jurisdiction, venue, competence of courts, civil procedure, judicial protection.

В настоящее время, почти каждое государство, осознавая важность эффективного и устойчивого развития экономического сектора, а также необходимость стабилизации указанных отношений, прибегает к закреплению на законодательном уровне принципов экономической свободы, доступного использования предпринимательского потенциала и расширения экономического пространства.

Российская Федерация в данном случае не стала исключением, гарантировав в ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации (Далее – Конституция РФ) «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности» [1].

В свою очередь, можно отметить, что экономика в целом, а также различные экономические институты и факторы, в частности, служат инструментами не только экономической политики, но и

существенно влияют на иные сферы жизнедеятельности общества и функционирования государства.

Исходя из этого, представляется возможным указать, что во исполнение положений Конституции РФ, Президент Российской Федерации, являясь ее гарантом, в Указе от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», неоднократно указывает на тот факт, что для достижения целей, определенных настоящим указом (улучшение социального благополучия граждан, обеспечение межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, развитие коренных малочисленных народов Российской Федерации, эффективная реализация государственной национальной политики Российской Федерации и так далее), необходимо создавать основные и дополнительные экономические и социально-э-

кономические условия, поддерживать устойчивое развитие экономического сектора [2], что непосредственно свидетельствует о глобальной важности всех экономических процессов для будущей нашей страны.

Также видится важным отметить роль именно корпоративных субъектов экономической деятельности, представляющих собой основу развития как экономической, так и предпринимательской деятельности в России. Обусловлено это тем, что согласно отчету Федеральной налоговой службы о количестве юридических лиц, сведения о которых содержатся в Едином государственном реестре юридических лиц по состоянию на 01 октября 2025 г., в Российской Федерации зарегистрировано всего 3 167 085 юридических лиц, при этом количество именно корпоративных составляет 2 684 672 юридических лица, что является 84,76% от общего числа юридических лиц [3].

Исходя из вышеизложенного, возможно резюмировать, что динамичное развитие российской экономики и усложнение корпоративных отношений неизбежно влекут за собой рост числа конфликтов в данной сфере, что непосредственно затрагивает как публичные, так и частные интересы.

Ключевым вопросом минимализации ущерба от указанных последствий экономического развития, с которого начинается любой юридический процесс, является определение надлежащего юрисдикционного органа, уполномоченного рассматривать тот или иной спор.

Для этих целей в российском цивилистическом процессе ранее был предусмотрен институт «подведомственности» споров. Однако в дальнейшем, как следствие внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (Далее – ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (Далее – АПК РФ), термин «подведомственность» с иными производными от него понятиями, был заменен на «компетенцию» и «подсудность».

Некоторые авторы называют данные изменения далекими от решения лишь технических вопросов, наделяя их более глубоким смыслом и отводя роль повышения доступности правосудия.

Так, М.Ю. Петрова, рассуждая о смысле указанных нововведений, утверждает, что они «являются оправданными в разрезе реализации цели сближения гражданского и арбитражного процесса, создания единых начал и форм функционирования судов, а также в целях доступности правосудия, процессуальной экономии и исключения коллизий, в том числе недопустимости споров о подсудности» [4, с. 149].

Другие же авторы отрицают пользу такой законодательной новеллы, например, Е.К. Пильков и Е.В. Лебедева, критикуя изменения, отмечают, что «хотя процессуальная реформа и исключила понятие «подведомственность», но не повлияла на двусмысленность существующей терминологии в

процессуальном законодательстве» [5, с. 114].

Полагаем наиболее верным указать на тот факт, что разбиение одной категории «подведомственность» на «компетенцию» и «подсудность», несмотря на намерения законодателя упростить процедуру выбора соответствующего юрисдикционного органа, привело лишь к искусственному увеличению количества используемых в данном процессе терминов.

Ранее «обыватель» не видел различий между подведомственностью споров, допустим судам общей юрисдикции в целом и подведомственностью споров конкретному звену судов общей юрисдикции. Казалось бы проблема на сегодняшний день решена, однако теперь тот же самый «обыватель», за доступ к правосудию которого боролся законодатель, не понимает разницы между компетенцией и подсудностью, ввиду того, что усложнение правовой конструкции, путем дробления единого термина, формирует в его глазах еще больше вопросов, связанных с отсутствием понимания сущности каждого из них.

Вместе с тем, факт того, что ГПК РФ, разграничивая зоны ведения между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в ч. 3 ст. 22 оперирует термином «компетенция», а в следующей за ней ч. 4 – термином «подсудность», полагаем, на корню пресекает всякие попытки заявителей разобраться в различии названных категорий [6].

В большей мере ситуация проясняется при обращении к положениям АПК РФ, где понятие «компетенция» применяется при определении предметной компетенции судов, а понятие «подсудность» позволяет определить конкретный суд, компетентный рассматривать дело по первой инстанции.

Однако многие авторы, в попытках окончательно разграничить «подведомственность», «компетенцию» и «подсудность», заходят в тупик.

Так, например, Ю.В. Ефимова определяя подлинный смысл «подсудности» в свете изменений процессуального законодательства, оперирует иным нововведенным термином – «компетенцией»: «подсудность в гражданском судопроизводстве представляет собой институт, который регулирует, с одной стороны, распределение компетенций судов общей юрисдикции и арбитражных судов по первой инстанции при рассмотрении и разрешении дел, которые являются предметом судебной деятельности гражданского, арбитражного или административного судопроизводства; с другой стороны, определяет компетенцию судов общей юрисдикции и мировых судей при рассмотрении и разрешении дел, которые являются предметом судебной деятельности в гражданском судопроизводстве» [7, с. 212].

В данном случае, автор отождествляет «подсудность» с «подведомственностью», игнорируя «компетентность» как отдельный термин, лишь определяя через него сущность подсудности.

В свою очередь, И.А. Красс писал, что «подве-

домственность» необходимо отличать от «подсудности», определяя его «через компетенцию (полномочия) того или иного органа по рассмотрению и разрешению юридических дел» [8, с. 72]. Здесь автор обратным образом толкует процессуальное нововведение, почти отождествляя термины «подведомственность» и «компетенция».

Правильность такого подхода может косвенно подтверждаться подходом законодателя к использованию правовых формулировок в еще одном источнике цивилистического процесса, а именно в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (Далее – КАС РФ), в котором законодатель применяет два термина: «подведомственность», определяющую, какие административные дела рассматривают и разрешают Верховный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции и мировые судьи, а также «подсудность», определяющую относимость административных дел к производству конкретного звена судов общей юрисдикции [9].

В данном случае, четко прослеживается схожесть институтов подведомственности (компетенции) и подсудности, закрепленных в АПК РФ и КАС РФ, что видится более понятным, даже с учетом усложнения правовых конструкций.

Исходя из всего вышеизложенного, представляется возможным резюмировать, что по настоящее время ни законодатель, ни авторы научных работ так и не пришли к единому пониманию каждой из рассматриваемых категорий, что влечет за собой оставление вопроса об их разграничении и выявлении их соотношения неразрешенным.

Возвращаясь к корпоративным спорам, для определения их подведомственности (компетенции судов) и подсудности, необходимо для начала достигнуть некоторой определенности относительно их сущности.

К примеру, Я.С. Казачков определяет корпоративный спор как «проявление разногласий между субъектами корпоративных правоотношений, выраженные в защите своей позиции различными способами и методами» [10, с. 219].

В свою очередь законодатель, хотя в российском законодательстве и отсутствует единое определение корпоративного спора, путем внесения изменений в абз. 1 ч. 1 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (Далее – АПК РФ), довольно четко дает понять, что под корпоративными спорами следует понимать «споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, объединяющей коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей» [9].

Вместе с тем, АПК РФ более точно определяет круг споров, относящихся к корпоративным, простым их перечислением.

Более детальное определение корпоративных споров приводит Ф.М. Сафаралиев, про-

ведший анализ их доктринальных и законодательных трактовок: «Корпоративный спор – это разногласие между участниками корпоративных правоотношений (учредителями, акционерами, участниками корпорации) либо между участником (участниками) и самой корпоративной организацией, связанное с осуществлением прав участия в организации или с управлением ею, которое переросло в стадию юридического спора и подлежит рассмотрению в установленном порядке» [11, с. 179].

Ранее таковые споры относились сугубо к подведомственности арбитражных судов, однако с внесением в 2018 году изменений в российское процессуальное законодательство, в п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ было закреплено, что суды рассматривают и разрешают «дела по корпоративным спорам, связанным с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся некоммерческой организацией, за исключением некоммерческих организаций, дела по корпоративным спорам которых федеральным законом отнесены к подсудности арбитражных судов» [6].

Как было замечено ранее, АПК РФ в ч. 1 ст. 225.1 приводит конкретное перечисление категорий споров, подлежащих рассмотрению арбитражными судами, в качестве корпоративных. Среди них можно выделить:

- споры, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица;
- споры о созыве общего собрания участников юридического лица;
- споры, вытекающие из деятельности нотариусов по удостоверению сделок с долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью;
- споры об обжаловании решений органов управления юридического лица и другие [9].

Таким образом, АПК РФ и ГПК РФ проводят четкое деление корпоративных споров, подведомственных (относящихся к компетенции) как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, основываясь на двух признаках таких споров:

- организационно-правовой форме организации;
- существовании спорного отношения.

Положительной стороной таких преобразований, можно назвать, к примеру, решение проблемы в вопросе подведомственности (отнесения к компетенции судов) корпоративных споров, отраженных в п. 2 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ, а именно иски супруга о признании недействительными договоров, заключенных другим супругом с акциями и долями в уставном капитале (купля-продажа, дарение и т.д.), а также действий, совершенных супругами как участниками (акционерами) хозяйственных обществ [12, с. 33].

Ныне такие споры, несмотря на то, что они возникают из положений ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации, которая устанавлива-

ет, что «Сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки» [13], относятся к подведомственности (компетенции) арбитражных судов.

В качестве последствий за несоблюдение правил подведомственности (отнесения к компетенции судов) корпоративных споров на стадии рассмотрения вопроса о принятии иска к производству, законодатель предусмотрел право суда возвратить исковое заявление (п.2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ), что не препятствует повторному обращению истца в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, если истцом будет устранено допущенное нарушение (ч. 3 ст. 135 ГПК РФ, ч. 6 ст. 129 АПК РФ).

В случае, если данный недостаток искового заявления был обнаружен на стадии судебного разбирательства, ГПК РФ предусматривает возможность прекращения производства по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 220 ГПК РФ. При этом, в соответствии со ст. 221 ГПК РФ, в случае прекращения производства по делу, повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается. В свою очередь, ст. 150 АПК РФ не предусматривает такой возможности.

Немаловажным является и вопрос определения подсудности корпоративного спора. К примеру, до внесения изменений 2018 года, АПК РФ предъявлял к таким спорам правила общей территориальной подсудности, что создавало почву для разного рода процессуальных злоупотреблений и подвергалось обоснованной критике. Однако на данный момент АПК РФ в ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ устанавливает исключительную подсудность корпоративных споров, согласно которой исковое заявление или заявление по корпоративному спору подается в арбитражный суд по адресу юридического лица, указанного в статье 225.1 настоящего Кодекса, то есть в арбитражные суды субъектов РФ.

Корпоративные споры, отнесенные к подведомственности (компетенции) судов общей юрисдикции, согласно с. 24 ГПК РФ, рассматриваются и разрешаются по правилам первой инстанции районными судами. А территориальная подсудность, в соответствии со ст. 28 ГПК РФ, определяется по адресу организации.

При этом, ст. 33 ГПК РФ и ст. 39 АПК РФ, предусмотрены условия и основания передачи дел по подсудности.

Исходя из того, что территориальная подсудность определяется адресом организации, возникает закономерный вопрос: «Как определить

адрес соответствующего юридического лица?».

Однако данный вопрос не является неразрешимым, ответ на него находит свое отражение в ч. 2 ст. 54 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой «место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории РФ путем указания наименования населенного пункта. Государственная регистрация юридического лица осуществляется по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа» [14].

Ч. 3 указанной статьи также регламентируется, что «в едином государственном реестре юридических лиц (Далее – ЕГРЮЛ) должен быть указан адрес юридического лица в пределах места нахождения юридического лица. Юридическое лицо несет риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по адресу, указанному в ЕГРЮЛ, а также риск отсутствия по указанному адресу своего органа или представителя» [14].

Таким образом, судами обычно презюмируется, что адрес юридического лица, указанный в ЕГРЮЛ, является действительным и не вызывает сомнений в своей достоверности.

В целях получения сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, Приказом Федеральной налоговой службой России (Далее – ФНС) от 19 декабря 2019 года № ММВ-7-14/640@, был утвержден административный регламент предоставления ФНС государственной услуги по предоставлению сведений и документов, содержащихся в ЕГРЮЛ. Согласно данному Регламенту, физические лица (в том числе индивидуальные предприниматели) и юридические лица имеют право обратиться в налоговый орган ФНС России с заявлением о предоставлении соответствующей информации. Помимо этого, ФНС России предоставила возможность самостоятельно в электронном виде на своем официальном сайте, получать выписки и справки из ЕГРЮЛ, а также копии учредительных документов из ЕГРЮЛ, в отношении любого юридического лица [15].

Изложенное позволяет сделать вывод, что правильное определение подведомственности (отнесения к компетенции суда) и подсудности корпоративного спора, зависит от верного определения: организационно-правовой формы организации, характера спора и адреса организации.

Таким образом, несмотря на предпринятые законодателем попытки унификации и упрощения процедуры определения подведомственности (отнесения к компетенции суда) и подсудности споров, сохраняется ряд проблем. Тем не менее, действующее законодательство устанавливает четкие, основанные на объективных критериях правила, которые при их корректном применении должны обеспечивать реализацию конституционного права на судебную защиту в сфере корпоративных отношений.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
- [2] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 52. — ст. 7477.
- [3] Отчет Федеральной налоговой службы России о количестве юридических лиц, сведения о которых содержатся в ЕГРЮЛ по состоянию на 01.10.2025 г. // Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15764462/ (дата обращения: 02.04.2026).
- [4] Петрова М.Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2023. — № 1. — С. 148–153.
- [5] Пильков Е.К., Лебедева Е.В. Соотношение категорий подведомственность, подсудность, компетенция в арбитражном процессе // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сбор. ст. XXVII Междунар. научно-практ. конфер. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). — 2022. — С. 112–115.
- [6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — ст. 4532.
- [7] Ефимова Ю.В. Изменение понятия подсудности в современном гражданском судопроизводстве // Вестник СГЮА. — 2019. — № 6. — С. 207–212.
- [8] Крусс И.А. Ликвидация процессуального института подведомственности // Судебная защита прав предпринимателей: сбор. научных ст. по мат-лам Всерос. научно-практ. конфер. — Тверь: Тверской государственный университет, 2021. — С. 71–73.
- [9] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — ст. 3012.
- [10] Казачков Я.С. Понятие корпоративного спора по действующему законодательству российской федерации // междисциплинарность научных исследований как фактор. — 2024. — С. 218–220.
- [11] Сафаралиев Ф.М. Корпоративные споры: понятие, виды, критерии квалификации и судебная практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2025. — №8. — С. 177–184.
- [12] Дергачев С. А. Подведомственность корпоративных споров, связанных с семейными и наследственными правоотношениями / С. А. Дергачев // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 6. — С. 32–36.
- [13] Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — ст. 16.
- [14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [15] Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по предоставлению сведений и документов, содержащихся в ЕГРЮЛ и ЕГРИП: Приказ ФНС России от 19.12.2019 № ММВ-7-14/640@ // Официальный интернет-портал правовой информации — 14.04.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2026).

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. — 2020. — No. 144.
- [2] On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 (as amended on 15.01.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2012. — No. 52. — Art. 7477.
- [3] Report of the Federal Tax Service of Russia on the number of legal entities, information about which is contained in the Unified State Register of Legal Entities as of 01.10.2025 // Official website of the Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15764462/ (accessed: 02.04.2026).
- [4] Petrova M. Yu. On the Relationship between the Concepts of «Jurisdiction», «Courtability» and «Competence» // North Caucasian Legal Bulletin. - 2023. - No. 1. - Pp. 148-153.
- [5] Pilkov E. K., Lebedeva E. V. The Relationship between the Categories of Jurisdiction, Jurisdiction, and Competence in Arbitration Proceedings // Modern Scientific Research: Current Issues, Achievements, and

Innovations: Collection. Art. XXVII Int. Scientific and Practical Conference. - Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.). - 2022. - Pp. 112-115.

[6] *Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. — Art. 4532.*

[7] *Efimova Yu.V. Changes in the Concept of Jurisdiction in Modern Civil Proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. — 2019. — No. 6. — Pp. 207–212.*

[8] *Kruss I.A. Liquidation of the Procedural Institute of Jurisdiction // Judicial Protection of Entrepreneurs' Rights: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. — Tver: Tver State University, 2021. — Pp. 71–73.*

[9] *Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2021. — Pp. Law of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 30. — Art. 3012.*

[10] *Kazachkov Ya.S. The Concept of a Corporate Dispute under the Current Legislation of the Russian Federation // Interdisciplinary Research as a Factor. — 2024. — Pp. 218–220.*


[11] *Safaraliev F.M. Corporate Disputes: Concept, Types, Qualification Criteria, and Judicial Practice // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. — 2025. — No. 8. — Pp. 177–184.*

[12] *Dergachev S. A. Jurisdiction of corporate disputes related to family and inheritance legal relations / S. A. Dergachev // Arbitration and civil procedure. - 2017. - No. 6. - P. 32-36.*

[13] *Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.03.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 1. - Art. 16.*

[14] *Civil Code of the Russian Federation (part one): Feder. Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 25.03.2026) (as amended and supplemented, entered into force on 01.08.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.*

[15] *On approval of the Administrative Regulations for the provision by the Federal Tax Service of the public service for the provision of information and documents contained in the Unified State Register of Legal Entities and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs: Order of the Federal Tax Service of Russia dated 19.12.2019 No. MMB-7-14/640@ // Official Internet Portal of Legal Information — 14.04.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 02.04.2026).*



ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-64-66

БАРЦОВА Евгения Михайловна,
магистрант, КрФ РГУП,
e-mail: bartcova2012@mail.ru

ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ СПОСОБА ХИЩЕНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы влияния способа хищения на его общественную опасность. Обосновано наличие только трех способов хищения чужого имущества – тайного, открытого и обманного. Выявлена общественная опасность каждого из этих способов. Сделан вывод, что различная общественная опасность способов хищения обуславливает необходимость дифференциации уголовной ответственности за хищения, совершенные различными способами.

Ключевые слова: хищение, способ совершения преступления, тайное хищение, открытое хищение, обманное хищение, имущество, уголовная ответственность.

BARTSOVA Evgeniia Mikhailovna,
Master's student, KrF RSUP

THE IMPACT OF THEFT METHOD ON SOCIAL DANGER

Annotation. This article examines the impact of the method of theft on its social danger. The existence of only three methods of theft of another's property –secret, open, and fraudulent—is substantiated. The social danger posed by each of these methods is identified. It is concluded that the varying social dangers posed by each method necessitate differentiated criminal liability for thefts committed by different methods.

Key words: theft, crime method, secret theft, open theft, fraudulent theft, property, criminal liability.

Хищения являются преступлениями, общественная опасность которых связана с их способностью нанести ущерб собственникам и иным законным владельцам имущества. Возникает вопрос о влиянии способа совершения хищения на его общественную опасность, что должно учитываться при конструировании уголовной ответственности за совершение хищений.

Уголовно-правовая наука связывает способ совершения преступления с его объективной стороной. Так, О. Р. Якубович определила способ совершения преступления, как «факультативный признак объективной стороны состава преступления, присущий каждому преступлению независимо от формы деяния и формы вины, представляющий собой образ действий, прием или систему приемов, направленных на достижение результата, совершаемых в определенном порядке» [5, с. 10].

В отношении хищения, способ его совершения представляет способ изъятия чужого имущества. Если обобщить все возможные способы изъятия чужого имущества, их окажется всего три. Способы будут различаться оказанием преступного воздействия на имущество и на человека, в зависимости от которого будет определяться обще-

ственная опасность хищения.

Первым способом является изъятие чужого имущества тайным способом. Такой способ предполагает преступное воздействие только на чужое имущество, исключая воздействие на его владельца или других лиц, которые могут предотвратить хищение.

По мнению Н. А. Лопашенко имеется пять вариантов тайного хищения чужого имущества: «хищение совершается в отсутствие очевидцев; хищение совершается в отсутствие посторонних; хищение совершается в присутствии посторонних, однако они не наблюдают факт хищения; хищение совершается в присутствии посторонних, однако они не расценивают происходящее как хищение либо не осознают его; факт хищения наблюдается посторонними людьми, однако они не обнаруживают себя виновному» [6, с. 12-13].

Второй способ предполагает открытое изъятие чужого имущества, при котором происходит преступное воздействие, как на похищаемое имущество, так и на людей. Причем воздействие на потерпевшего или на других лиц может оказываться непосредственно, физическим путем, или психологически, как, например, при краже товаров на глазах покупателей. Противоправность де-

яния для других лиц является очевидной.

Преступность деяния в этом случае не скрывается от собственника или иных лиц. Воздействие может быть, как небольшим, так и более интенсивным (вырывание кошелька из рук, угроза повреждения имущества и проч.). «Максимальный уровень достигается при применении преступником в процессе изъятия похищаемого имущества насилия, опасного для здоровья и даже жизни человека» [8, с. 3].

Если сравнивать общественную опасность тайного и открытого способов изъятия чужого имущества, при открытом способе она является большей, чем при тайном, поскольку помимо имущества, противоправное воздействие оказывается на человека.

Третий способ также предполагает преступное воздействие, как на похищаемое имущество, так и на людей, но для потерпевшего или других лиц преступность такого воздействия является неочевидной. Данный способ изъятия чужого имущества относится к обманному или мошенническому.

А. И. Бойцов определяет обман, как «сообщение заведомо ложных сведений либо несообщение о сведениях, которые лицо должно было сообщить, с целью введения в заблуждение лица, в собственности или владении которого находится имущество, с тем, чтобы таким образом добиться от него «добровольной» передачи имущества в пользу обманщика или других лиц» [9, с. 234].

При таком способе хищения на собственника имущества или других лиц, которые могут воспрепятствовать совершению преступления оказывается воздействие информационного характера. Противоправность такого воздействия, в отличии от второго способа, является неочевидной.

Р. А. Сабитов определяет объективные и субъективные признаки обмана. «Объективная сторона обмана выражается только в деянии (действии или «частичном» бездействии). Результат обмана - заблуждение человека не является признаком обмана. С субъективной стороны любой обман есть сознательный волевой акт, направленный на достижение определенной цели» [1, с. 87].

Уголовно-правовая наука длительный период относила кражу к более общественно опасным преступлениям в сравнении с мошенничеством. Современные общественно-экономические отношения вывели мошенничества и их общественную опасность совершенно на иной уровень. Мошенничество стало целой высокодоходной индустрией, использующей самые современные достижения научно-технического прогресса, методы социальной инженерии и искусственный интеллект.

В некоторых статьях Особенной части УК РФ, обман выступает тем конструктивным признаком состава преступления, который обеспечивает достаточный для криминализации уровень общественной опасности деяния, в то время как

аналогичные деяния, совершенные без обмана, преступными не признаются, например, ст. 165, ст. 176 УК РФ. Уголовные законодательства отдельных зарубежных стран устанавливают ответственность за сам обман, если он использовался с корыстной целью или для причинения вреда.

Если давать оценку общественной опасности обманному способу изъятия, она является более высокой, чем при тайном хищении имущества, но ниже, чем при открытых воздействиях на человека посредством физического воздействия. При мошенничестве незаконные действия виновного являются неочевидными, поэтому потерпевший испытывает меньшее травмирующее воздействие, чем при открытом хищении.

Отдельные исследователи приводят расширенный перечень способов хищения: злоупотребление доверием, присвоение, растрату, использование своего служебного положения, насилие. Это отчасти поддерживается в законодательстве и позициях Верховного Суда РФ. Например, в ч.1 ст. 159 УК РФ способами мошенничества названы обман и злоупотребление доверием. В п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», присвоение и растрата определяются как самостоятельные способы хищения.

По мнению А.В. Архипова, «в действительности существуют только способа изъятия имущества при хищении, обладающие принципиальными отличиями в уровне общественной опасности, позволяющими выделять на их основании формы хищения. Все остальные упоминаемые в науке и даже уголовном законе способы хищения либо являются разновидностями данных способов, либо вообще не являются способами изъятия имущества» [2, с. 136].


Таким образом, способ хищения, определяет его общественную опасность в зависимости от наличия и характера преступного влияния на человека при изъятии имущества. Выделены три способа хищения чужого имущества – тайный, открытый и обманный. В первом случае происходит только изъятие чужого имущества без оказания преступного воздействия на его владельца или других лиц. Во втором случае происходит преступное воздействие на человека (физическое или психологическое), который может препятствовать изъятию имущества. В третьем случае происходит преступное воздействие на человека, при этом о противоправном характере изъятия имущества человека вводится в заблуждение. Наибольшую общественную опасность несет открытый способ хищения, наименьшую – тайный способ. Обманный способ занимает промежуточное положение. При определении меры уголовной ответственности за хищения, необходимо учитывать способ его совершения, поскольку тайный, открытый и обманный способ хищения имеют существенные различия в степени общественной опасности.

Список литературы:

- [1] Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищение в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 312 с.
- [2] Архипов А. В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы: дис. ... докт. юрид. наук. – Томск, 2025. – 424 с.
- [3] Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. – 775 с.
- [4] Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. III. Формы хищения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 264 с.
- [5] Сабитов Р. А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86-89.
- [6] Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 33 с.

References:

- [1] Arkhipov A. V. *Legislation on Criminal Liability for Theft in Russia: Problems of Law Enforcement and Conceptual Foundations of Reform: Monograph.* – Moscow: Yurlitinform, 2022. – 312 p.
- [2] Arkhipov A. V. *The System of Elements of Theft under the Criminal Legislation of Russia: Problems and Prospects: Dis. ... Doctor of Law.* – Tomsk, 2025. – 424 p.
- [3] Boytsov A. I. *Crimes against Property.* – St. Petersburg: Legal Center Press, 2022. – 775 p.
- [4] Lopashenko N. A. *Crimes against Property. Author's Course. In 4 Books. Book III. Forms of Theft: Monograph.* – Moscow: Yurlitinform, 2019. – 264 p.
- [5] Sabitov R. A. *Concept and features of criminal fraud // Criminal law.* 2015. No. 5. Pp. 86-89.
- [6] Yakubovich O. R. *Method of committing a crime and its criminal-legal significance: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences.* – M., 2004. – 33 p.



ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.05.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-67-71

МУХТАРОВ Камал Халилович,
магистрант факультета подготовки руководителей (начальников)
территориальных органов МВД России
Академии управления МВД России,
e-mail: perevozchil20042024@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ЗАДАЧИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме совершенствования подходов к обеспечению социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих или проходивших службу в особых условиях. Рассматривается вопрос дифференцированного подхода к обеспечению социальных гарантий данной категории граждан и других членов социума. Освещаются современные проблемы в сфере исследования, связанные с недостаточным финансированием подразделений МВД России, невозможностью обеспечения достойными жилищными условиями даже тех сотрудников, которые обладают приоритетным правом на улучшение жилищной ситуации. В статье приводится аргументированная критика механизма единой социальной выплаты, предусмотренной для сотрудников органов внутренних дел, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Рассматриваются жизненные ситуации, которые не позволяют действительно нуждающимся сотрудникам получить данную выплату. Затрагиваются вопросы несовершенства правового регулирования социальной защищенности сотрудников, принявших на себя риски, связанные с прохождением службы в особых условиях. Несмотря на то, что в целом правовое поле в исследуемой сфере достаточно хорошо структурировано, на взгляд автора, в нем недостает акцентированного внимания к тем сотрудникам, которые не побоялись взять на себя риски и достойно справились с выполнением служебного долга при наступлении особых условий, техногенного, природного, военно-политического или иного характера. Автор приходит к выводам о том, что совершенствование социальных гарантий для служителей закона - необходимый элемент правоохранительной системы, призванный укреплять безопасность государства и общества, обеспечивать высокий уровень престижа службы в органах внутренних дел Российской Федерации, мотивировать действующих и будущих сотрудников на добросовестное выполнение долга в любых условиях, в том числе, связанных с риском для жизни и здоровья.

Ключевые слова: органы внутренних дел, прохождение службы, особые условия, социальная защищенность, социальные гарантии, финансирование, жилищные условия, престиж службы.

MUKHTAROV Kamal Khalilovich,
master's student at the heads of territorial bodies
of the Ministry of internal affairs of Russia faculty,
Academy of management of the Ministry of internal affairs of Russia

IMPROVING THE SOCIAL PROTECTION OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION WHO PERFORM TASKS IN SPECIAL CONDITIONS

Annotation. The article is devoted to the problem of improving approaches to ensuring the social security of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation who are or have been serving in special conditions. The article discusses the issue of a differentiated approach to ensuring social guarantees for this category of citizens and other members of society. The article highlights the current problems in the field of research related to the insufficient funding of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the inability to provide decent housing conditions even for those employees who have priority rights to improve their housing situation. The article provides a well-reasoned critique of the mechanism of a single social payment provided for employees of the internal affairs bodies who need to improve their housing

conditions. The article examines life situations that prevent employees in need from receiving this payment. It also addresses the issues of imperfect legal regulation of social protection for employees who have taken on the risks associated with serving in special conditions. Despite the fact that the legal framework in this area is generally well-structured, the author believes that it lacks a focused attention to those employees who have taken on the risks and performed their duties with dignity in the face of special conditions, whether they are of a technological, natural, military-political, or other nature. The author concludes that the improvement of social guarantees for law enforcement officers is an essential element of the law enforcement system, designed to strengthen the security of the state and society, ensure a high level of prestige for the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, and motivate current and future employees to perform their duties conscientiously in any conditions, including those involving risks to life and health.

Key words: *internal affairs bodies, service, special conditions, social security, social guarantees, funding, housing conditions, and service prestige.*

Российская Федерация является социальным государством согласно ст. 7 Конституции. Под этим термином законодатель понимает такое государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. В соответствии со ст. 2 Конституции [1] обеспечение и защита прав человека и гражданина является приоритетом органов власти.

Термин «социальное государство» (Sozialstaat) введен в научный и правовой оборот Л. Фон Штейном в конце XIX века [5], в Германии он также используется в правовом поле для описания государственного устройства. Как отмечают исследователи (см., например [6]), эта концепция принята внутри традиционно-консервативного подхода к государственному устройству, происходящему из общинных и корпоративных западноевропейских традиций. Социальные блага предоставляются властями гражданам на основании принципа публичности и равноправия, что призвано обеспечить максимально возможный уровень социально-экономической безопасности граждан и баланс в социуме. Таким образом, российская власть ориентируется на обеспечение социальной защищенности всех слоев населения.

Однако во все времена любая власть старается в большей степени поощрять тех граждан, которые выполняют или выполняли в интересах государства и общества наиболее сложные и рискованные задачи специального характера. Военные, сотрудники правоохранительных органов и специальных служб, а также члены их семей всегда имели те или иные преференции по отношению к большинству граждан. Этот необходимый дисбаланс призван обеспечивать престиж названных профессий, сопряженных с тяготами и лишениями, риском для жизни и здоровья, а также понимание избравших этот путь граждан того, что риск будет вознагражден.

Так, например, для сотрудников полиции, входящей в состав органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД), федеральным законом «О полиции» [2] в главе 8 предусмотрен ряд гарантий, связанных с оплатой труда, страховкой жизни и здоровья, жилищным обеспечением, медицинским обеспечением (в том числе членов семей),

и других связанных с прохождением службы, в частности, бесплатным проездом в транспорте в ряде случаев, бронированием мест в гостиницах, приоритетным поступлением детей в общеобразовательные и дошкольные образовательные организации. В федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ названные и иные гарантии раскрываются более детально, например, в части льготного пенсионного обеспечения.

Проблемы обеспечения социальной защищенности сотрудников ОВД всегда привлекали внимание исследователей в сфере права и организации государственного управления. Безусловно, их внимание, как правило, сосредоточено на финансово-экономических методах стимулирования полицейских. Например, В.В. Митрохин отмечал, что именно денежное довольство выступает первоочередным стимулом прихода на службу и добросовестного ее несения [7, с. 691], с чем сложно не согласиться и в настоящее время. С.П. Матвеев также приходит к выводу, что модернизация системы ОВД невозможна без усиления гарантий социальной защиты сотрудников и увеличения финансовых стимулов [8, с. 18].

Также в ОВД остро стоит проблема обеспечения сотрудников жильем. Меры для обеспечения жильем предусмотрены в от федеральном законе 19.07.2011 № 247-ФЗ, однако их реализация далека от совершенства. Очередь на получение единовременной социальной выплаты (ЕСВ) на приобретение жилья растягивается уже на десятилетия, а бюджетных ассигнований для обеспечения выплат катастрофически не хватает (см. [10, с.168]). Несмотря на то, что в названном исследовании использовались данные 2021 года, к настоящему времени ситуация кардинально не улучшилась. Так, А.М. Дешин [9] тоже отмечает, что проанализированным им данным статистики за 2024 г., аккумулируемым МВД России, 24 % сотрудников частично не удовлетворены жилищными условиями, и еще 46 % - полностью не удовлетворены. В 2026 году Департаментом тыла МВД России опубликованы следующие сведения [11]: Федеральным законом от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» МВД России в 2026 году доведены бюджетные ассигнования на ЕСВ в объеме 4,66 млрд рублей, в пределах

которого ЕСВ обеспечены 436 очередника, в том числе 18 семей погибших (умерших) сотрудников, сотрудники 2012 года постановки на учет, восстановленные на основании вступивших в законную силу решений судов, а также сотрудники, имеющие преимущественное право по 2013 году с датами постановки на учет по 27 июня 2013 года. Таким образом, растянутая на более чем 10 лет очередь на получение ЕСВ сохраняется даже для сотрудников с преимущественным правом на получение данной выплаты.

Одновременно с этим критерии для включения в очередь новых сотрудников, нуждающихся в улучшении жилищных условий достаточно жесткие и не лишены противоречий. Так, на момент введения этих единовременных выплат многие сотрудники, которые самостоятельно приняли решение о покупке жилья и уже оформили ипотечные кредиты, продолжили их выплачивать без помощи от государства и ведомства, что на взгляд автора не вполне справедливо. Кроме того, учитывая длительность времени, необходимого для получения ЕСВ, в жизни сотрудника могут иметь место обстоятельства, которые не позволяют ему получить деньги на момент подхода его очереди, при том, что на момент вступления в очередь он критериям соответствовал.

Вот некоторые такие ситуации:

1) сотрудник вступает в ипотеку для улучшения жилищных условий, которые просто больше нет возможности преодолевать;

2) сотрудник вступает в брак и у его супруги или супруга имеется доля в собственности на жилье в родительской квартире;

3) у сотрудника поле того, как встал на учет, за тот период пока он ждал своей очереди, умерли родители или один из родителей, являвшийся собственником квартиры, он принимает наследство в виде доли в собственности на жилье, но реально в данном жилье проживает другой его близкий родственник;

4) выросли дети и съехали из родительского жилья, зарегистрировавшись по новому месту жительства.

Особого внимания заслуживает проблема обеспечения социальной защищенности тех сотрудников ОВД, которые несли или несут службу в так называемых особых условиях. Под особыми условиями, как правило, понимаются обстоятельства, перечисленные в ст. 35 федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ [4], все они связаны с возникновением критической опасности для государства, общества и отдельных граждан, а соответственно и для сотрудников ОВД, несущих в таких условиях службу и решающих специальные задачи. А.Ф. Майдыков [12, С.5-6], рассматривая понятие особых условий, отмечает, что «"особые условия" для деятельности органов внутренних дел представляют собой обстановку с повышенной угрозой для жизни и здоровья граждан, а также для сохранности ма-

териальных и культурных ценностей, которая может возникнуть в результате природных, биологических, социальных или техногенных явлений». Там же, А.Ф. Майдыков приходит к закономерному выводу о том, что «для устранения негативных последствий таких условий необходимы особые организационные и правовые меры, а также дополнительное ресурсное обеспечение». На взгляд автора, последний тезис распространяется и на ресурсное обеспечение сотрудников, непосредственно задействованных в несении службы в названных обстоятельствах.

Складывающиеся обстоятельства предполагают возложение на сотрудника дополнительных обязанностей, изменение режима и условий службы, откомандирование к новому месту и т.п., причем согласие сотрудника на это не требуется, а в случае отказа он может лишиться занимаемой должности. Соответственно, рационально было бы дополнительно стимулировать тех, кто не отказался и добросовестно исполнил свой долг в непростых условиях.

Безусловно, указанная категория сотрудников ОВД, не должна быть обделена вниманием руководства. Как правило, такие сотрудники в первоочередном порядке претендуют на те или иные поощрения, на получение единовременной социальной выплаты, получение ведомственных и государственных наград, почетных званий и т.п. Однако законодательно данное положение не урегулировано и в первую очередь получение названных преференций зависит от непосредственных и прямых руководителей, в чьем подчинении находится сотрудник. На взгляд автора, действующее правовое поле нуждается в совершенствовании в свете сказанного.

Например, Е.В. Яковлева [10, с. 169] выступает с предложением о формировании на государственном уровне нормативного правового акта, утверждающего социальную политику в отношении сотрудников МВД России. Однако, по мнению автора, таким документом уже выступает федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Несомненно, его можно совершенствовать, отразив в нем приоритетное социальное обеспечение сотрудников, задействованных в выполнении задач в особых условиях.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующее: 1) Совершенствование социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выполняющих (выполнявших) задачи в особых условиях - это неотъемлемый элемент политики государства, которая направлена с одной стороны на равное социальное обеспечение всех слоев населения, с другой стороны - на обеспечение безопасности граждан. В связи с чем, нет противоречия в

том, что рассматриваемая категория сотрудников органов внутренних дел должна получать от государства повышенные социальные гарантии. 2) В свою очередь, ключевым элементом обеспечения социальных гарантий сотрудников выступает финансовое стимулирование и обеспечение достойных жилищных условий сотрудникам и их семьям. На сегодняшний день ученые и практики, а также личный опыт автора указывают на то, что в этом направлении имеются существенные недостатки, не позволяющие в полной мере обе-

спечить достойный уровень жизни сотрудникам органов внутренних дел, в том числе, несшим или несущим службу в особых условиях. 3) Правовое поле обеспечения социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел на сегодняшний день хоть и не лишено отдельных недостатков, но достаточно хорошо структурировано. Основные правовые акты приняты на федеральном уровне, и дальнейшее их совершенствование в перспективе позволит урегулировать существующие противоречия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный портал правовой информации России. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)) // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

[3] Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4595.

[4] Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.

[5] Stein L. von. *Gegenwart und Zukunft des Rechts-und Staatswissenschaften Deutschlands*. Stuttgart, 1876. 215 p.

[6] Чертков А.Н. Обеспечение прав человека и социальной защищенности граждан как базовый ориентир развития публичной власти // *Права человека: история, теория, практика : Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции*, Курск, 28 ноября 2023 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 84-87.

[7] Митрохин В.В. Принципы организации и прохождения службы в органах внутренних дел // *Административное и муниципальное право*. 2015. № 7. С. 691–699.

[8] Матвеев С.П. Социальная защита государственных служащих : теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы административно-правового регулирования : автореферат дис. ... доктора юридических наук. – Воронеж, 2011. – 47 с.

[9] Дешин М.А. Проблемы социальной защищенности сотрудников полиции и пути их разрешения // *Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления : Сборник научных статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*, Курск, 23 мая 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 118-122.

[10] Яковлева Е.В. Некоторые аспекты социально-правовой защищенности сотрудников полиции / Е. В. Яковлева // *Тенденции развития науки и образования*. – 2021. – № 78-3. – С. 166-169.

[11] «Жилищное обеспечение / Предоставление единовременной социальной выплаты / Статистическая информация» // Официальный сайт Департамента тыла МВД России. URL: <https://дт.мвд.рф/zilische/3/statistika3> (дата обращения: 20.04.2026).

[12] Майдыков А.Ф. Актуальные проблемы управления органами внутренних дел МВД России в особых условиях / А.Ф. Майдыков. – М: Академия управления МВД России, 2009. – 154 с.

References:

[1] *Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official portal of legal information of Russia*. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (date accessed: 20.04.2026).

[2] *Federal Law «On Police» of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended on 15.12.2025 (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026)) // Collected Legislation of the Russian Federation*, 14.02.2011, No. 7, Art. 900.

[3] *Federal Law «On Social Guarantees for Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» of 19.07.2011 No. 247-FZ (as amended on 15.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation*, 25.07.2011, No. 30 (Part 1), Art. 4595.

[4] Federal Law «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» of November 30, 2011 No. 342-FZ (as amended on December 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 2011, No. 49 (Part 1), Art. 7020.

[5] Stein L. von. *Human Rights and Social Security of the Russian Federation*. Stuttgart, 1876. 215 p.

[6] Chertkov A.N. *Ensuring Human Rights and Social Security of Citizens as a Basic Guideline for the Development of Public Authority* // *Human Rights: History, Theory, Practice: Collection of Scientific Articles of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, November 28, 2023*. - Kursk: ZAO «University Book», 2023. - P. 84-87.

[7] Mitrokhin V.V. *Principles of organization and service in the internal affairs bodies* // *Administrative and municipal law*. 2015. No. 7. Pp. 691-699.


[8] Matveyev S.P. *Social protection of civil servants: theoretical foundations for building a system, implementation practice and problems of administrative-legal regulation: abstract of the dissertation ... Doctor of Law*. - Voronezh, 2011. - 47 p.

[9] Deshin M.A. *Problems of social protection of police officers and ways to resolve them* // *Theory and practice of the effectiveness of public and municipal administration: Collection of scientific articles of the 6th All-Russian scientific and practical conference with international participation, Kursk, May 23, 2024*. - Kursk: ZAO «University book», 2024. - Pp. 118-122.

[10] Yakovleva E.V. *Some Aspects of social and legal protection of police officers* / E. V. Yakovleva // *Trends in the development of science and education*. - 2021. - No. 78-3. - P. 166-169.

[11] «Housing provision / Provision of a one-time social payment / Statistical information» // Official website of the Logistics Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://дт.мвд.рф/zilishe/3/statistika3> (date of access: 20.04.2026).

[12] Maidikov A. F. *Actual problems of management of internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in special conditions* / A. F. Maidikov. - M: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. - 154 p.



Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru